

Сергей Прокопьев

ИГО ВО БЛАГО

16+

Сергей Прокопьев

Иго во благо

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Прокопьев С. Н.

Иго во благо / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Александр Шмидке, герой повести, как и большинство из нас – человек многогрешный. С какого-то момента жизни начинает понимать слова преподобного Гавриила (Ургебадзе): «Всякий грех – это вражда с Богом. Одумайся! С кем враждуешь?!» Но понять, не значит одуматься. Всякий семейный союз мужчины и женщины освящён Богом, посему постоянно испытывает нападки врага рода человеческого, задача коего вбить клин между супругами, посеять вражду. Эта повесть о том, как преодолевает герой смертные грехи, как идёт трудным путём к Богу. Падает, поднимается, кается, снова грешит... И не мыслит жизни без церкви, без Бога.

© Прокопьев С. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая	6
Знакомство с героем	6
Глава вторая	9
Дед Андрей	9
Глава третья	13
Семья и рогатый	13
Глава четвёртая	18
Сон с чёрными ангелами	18
Глава пятая	23
Ангелы из сна	23
Глава шестая	30
Два пути	30
Глава седьмая	32
Вадим и Нина	32
Глава восьмая	34
Вытащить пулю из головы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

*Всякий грех – это вражда с Богом.
Одумайся! С кем враждуешь?!
Преподобный Гавриил (Ургебадзе)*

Глава первая

Знакомство с героем

Снег в октябре в наших широтах практически никогда не уходит в зиму. И сколько раз ни сталкиваешься с этой картиной, почти всегда первый снег выпадает неожиданно. Вчера царили в природе жёлтая, красная, бордовая, зелёная краски – а утром глянешь в окно: Боже мой, всё забелено. Снег будто специально выбирает ночь, чтобы сказочно удивить. Ложится не тоненьким в ноготок слоем, а покровом в два-три пальца толщиной. Зимой снежинки беспрепятственно пролетают сквозь ветви тополей, рябин, ив, берёз, здесь снег оседает на листьях, тяжело клонит ветви к земле.

Утреннее небо чистое, как в морозы зимой. На его синеву выкатывается с восточной стороны солнце, дабы вернуть городу осенние краски. Светило начинает безжалостно расправляться с белым вестником скорой зимы. Сначала снег упадёт с деревьев, они, жёлтые, красные, зелёные расправят ветви, омытая листва засверкает на солнце. Снег, тяжелея, напитываясь влагой, истончаясь, дольше всего будет лежать на ещё зелёной траве газонов, на цветах клумб, на крышах домов.

Наступает торжественный момент, когда господствующие краски трёх времён года сходятся на короткий период вместе: царица лета – зелёная, золотоосенняя – жёлтая, сверкающая белизной – зимняя, и всё это под синью залитого солнцем неба.

Снег от ветра, солнца, ещё тёплой земли побежит ручейками, напитает воздух весенней талой влагой и останется в памяти белой чистотой, острым волнующим запахом свежести и обновления. И предупредит нас: люди, не будьте беспечны, скоро зима. Проверьте шкафы – всё ли готово к холодам, не надо ли чинить обувь, вязать варежки и шапки, покупать пуховики, сапоги на меху и валенки.

В такой день я познакомился с Александром Шмидке. Если быть до конца точным – познакомили нас раньше, когда мы волей случая оказались в одной компании и договорились сойтись для обстоятельного разговора.

В назначенный день стали свидетелями первого октябрьского снега. Выпал он в ночь с пятницы на субботу, в храмах в тот день славили святого земли русской Сергия Радонежского.

Встретились после обедни у пожарной каланчи, что у главпочтамта, чтобы отправиться в офис, который Александр предложил в качестве места для беседы. Он приехал из своего прихода, я был на литургии в своём. Александр поздравил меня с именинами.

– Причастились? – спросил.

Честно говоря, не подумал об этом.

– Ну да не расстраивайтесь, – сказал Александр. И добавил: – С Сергием Радонежским у меня связано несколько чудесных случаев. С него, собственно, и началось воцерковление.

И рассказал по дороге к офису такую историю.

– Работал директором омского филиала московской мебельной фирмы, – начал Александр, – элитные кухонные гарнитуры собирали и продавали. Однажды директоров филиалов вместе с главными бухгалтерами вызвали в Москву. Дела сделали, вагон времени до самолёта, я решил поехать в Троице-Сергиеву лавру.

Мой бухгалтер, Лидия Васильевна, попросилась: «Мне с вами можно? Ни разу не была». Бухгалтер новосибирского филиала тоже изъявила желание.

Обеим чуть более тридцати, совершенно невоцерковлённые. Провёл их по обители. Новосибирская бухгалтер трындычиха, сто слов минутой, пока в электричке ехали, тут при-

тихла. Если что, шёпотом спрашивает. День будний, народу немного. Приложились к раке с мощами Сергия Радонежского, зашли в одну церковь, другую. На душе светло, благостно...

Мой главбух робко так: «Александр Иванович, не опоздаем?»

Глянул на часы – времени в обрез. Благо, в гостиницу заезжать не надо, с дорожными сумками (небольшие, командировка на два дня) в монастырь поехали и в камеру хранения обители сдали. Заходим за ними, а технический перерыв. Всего на десять минут, но когда мы выскочили из монастыря, поняли – на электричку не успеваем. Значит – на самолёт тоже. Всё было рассчитано тика в тик: из Сергиева Посада доезжаем до Ярославского вокзала, дальше на Павелецкий, оттуда в Домодедово и на регистрацию.

Бежим скачками из монастыря.

Бухгалтера визжат: «Александр Иванович, что делать? Опоздаем! Что делать?» – «Молимся Сергию Радонежскому!» – команду.

Смотрим, такси разворачивается уезжать. В три горла закричали: «Стой!» Остановился. Тогда до самой станции машины не доезжали, строительство шло или ремонт, нужно было прилично пешком идти.

«Подвези, – взмолились, – хотя бы немного».

Женщины в машине, как на иголках сидели: «Не успеем ведь, Александр Иванович! Не успеем!» – «Молитесь, – говорю, – не паникуйте!»

Их успокаиваю, сам вижу – опоздали. Однако продолжаю просить у преподобного Сергия помощи.

Из машины выпрыгнули. Понимаем, бесполезно бежать, ушла электричка, но не сдаёмся. На перрон выскочили... Ура – стоит, двери открыты. Вбегаем, падаем на сиденье, сердца у всех вот-вот выскочат. Электричка тронулась.

Мужик, что напротив сидел, пробасил недовольно: «Вас что ли ждали?»

Такое у нас было паломничество к Сергию Радонежскому.

Завёл правило среди своих подчинённых: оперативку по итогам недели проводил в четверг, но перед производственными вопросами рассказывал о церковных праздниках, кого из святых славим в последующие дни, рассказывал о своих паломнических поездках. Этакая миссионерская десятиминутка, которая могла и на полчаса затянуться.

На очередной оперативке говорю главбуху: «Рассказывайте о нашем чуде».

«Время будто растянулось, – закончила повествование. – Минут на семь опоздали на электричку. Она стоит. Влетели, тут же двери закрылись. Так бы не успели на самолёт».

«Вот что значит, – говорю, – сила молитвы. Лидия Васильевна обратилась к святому...»

«Да что я, – заскромничала, – повторяла, как заведённая: “Сергий, помоги! Сергий, помоги!”»

Сама спрашивает после оперативки: «Неужели такое может быть? Помолитесь и вот...» – «А ты как считаешь, – говорю, – почему электричка позже отправилась?»

Мы пришли в офис. Александр вылил из электрического чайника воду, наполнил свежей. За окном солнце подвело сказочный день к моменту, когда краски лета, осени и зимы проявились в наибольшей степени. Белизна снега остро подчёркивала зелень травы и золото листы. Берёзки, что росли за окном, стояли в роскошных золотых шапках. Пора облетать, они в таком виде и листочка ещё не уронили. Кстати, не растеряют всю листву даже в декабре. Поодаль от здания тянулись к небу высокие тополя. И они красовались листвой, вдвойне удивительно – всё ещё зелёной. Аномальный год.

Александр разлил чай.

– Знаете, – начал он, – почему решил рассказать о себе? Чужой опыт не учит, и всё же, вдруг моя история кого-то предупредит, заставит задуматься, обратит сердце к Богу. Грехов, конечно, более чем достаточно... А сколько чудес происходило. В нужный момент оказался в Бари у Николая Чудотворца. Много связано с Сергием Радонежским, Серафимом Саровским,

блаженной Матроной. А разве не чудо многогрешной жизни: духовным отцом более тридцати лет был иеромонах батюшка Савва, а духовной мамой по сей день – матушка Анна.

Александр подошёл к окну, приоткрыл его, в помещение ворвались весенние запахи – мокрого снега, талой воды.

– Интересный год, – произнёс, глядя в окно, – листва на деревьях будто и не собирается опадать.

Александр разлил чай и начал свою исповедь...

Глава вторая

Дед Андрей

Господь привёл меня в храм через жену. Марина первой обратилась к церкви, первой покрестилась. Но больше из моды, возникшей после отмены советской власти. Прилепляться к церкви начнёт лет через пять после крещения, мой смертный грех подвигнет.

Что интересно, ещё никто из нас не был крещён – ни она, ни я, ни сыновья (дочь родится позже), – но повелось на Пасху и Рождество всей семьёй ездить на ночную службу в Крестовоздвиженский собор... Праздник будет не праздник, если не сходим на всенощную.

Недавно со старшим сыном Колей (у него самого уже двое детей, восемь и пять лет) заговорили о Пасхе, он заулыбался:

– Ночь, темно, а мы со свечами. Весело, радостно, все поют... Мишка меня спрашивает: «Как это воскрес?»

Мишка – это Миша, младший мой сын.

В то время крестный ход три раза обходил храм. Сейчас почему-то всего один. Действительно, весело. Мальчишки, то в голову крестного хода забегают, то снова к нам вернутся, застоялись на службе, хочется подвигаться.

Сейчас даже не вспомню, почему у нас повелось на Пасху и Рождество в храм ходить. У моих родителей не было заведено, хотя жили недалеко от церкви. Бабуля по отцу, бабушка Августина – да. Они с дедом Андреем лютеране, но, перебравшись в Омск, начали ходить в Крестовоздвиженский собор. На моей памяти дед не составлял ей компанию, бабушка или с соседкой отправлялась в тот же Крестовоздвиженский собор или одна, дед уже не ходил.

В дошкольные годы, если родители куда-нибудь отправлялись надолго вечером, бабушка ночевала у нас. Жили рядом, двор на два дома, бабушка приходила с Библией, большой старой книгой с чёрными толстыми корочками, бережно в рушник завёрнутой. Куда-то задевалась после смерти бабушки, сколько ни искал, кто-то умыкнул. Сядет за стол, раскроет Библию. С младшей сестрой Таней мы погодки, старшая, Люба, на два года раньше меня родилась. Брата ещё не было, он на шесть лет младше меня. Бабушка что-то читала из Библии, что-то рассказывала своими словами.

Когда спрашивали:

– Бабушка, что у тебя за книга, что за рассказы?

Она (за спиной были гонения на церковь в двадцатые, тридцатые, сороковые годы и в хрущёвские времена) отвечала уклончиво:

– Да сказки такие.

Рассказывала про сотворение мира, про Бога.

Я любопытным рос. Не помню, как вышел на тему лютеранства, к деду подкатил, мне лет двенадцать:

– А кто такой Лютер?

Дед подумал-подумал и говорит:

– Это как Ленин.

Советскую власть он страшно не любил. Было за что относиться без симпатий. Стоило выпить, ругал советы на чём свет стоит. Бабушка шикала на него, а нас старалась увести. Я – пионер, всем ребятам пример, активист, старшая сестра вообще председатель совета дружины. И вдруг от любимого деда звучат нападки на самый передовой социалистический строй. Досадно и возмутительно до глубины души слышать такое. Бабушка вытолкает нас за дверь:

– Не слушайте дурака старого, водка в нём дурит.

Я не сдавался, бросал с пионерским задором:
– Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке!

Дед был личностью. Всю жизнь прикидывался, что неграмотный, дескать, самоучкой освоил чтение, плюс расписываться умеет – всё. После смерти нашли документ, что окончил он земскую школу.

На Пасху бабушка всегда красила яйца, пекла куличи. Рождество праздновала и католическое и православное. Угощение внукам на то и другое готовила. Пусть и пионеры – принимали за милую душу. И радовались, что два Рождества, а ещё и Новый год посредине. Бабушкины сёстры жили в Казахстане. Одна, Галина, подалась в баптисты, вторая, Эльза, – в иеговисты. На религиозной почве Галина и Эльза не знали друг с другом. Бабушка неприязни к сёстрам не испытывала, ездила в гости к обеим. Меня с собой брала.

Помню землянку бабы Эльзы, просторная, большая. Было так удивительно – пол земляной.

Мама как-то отцу говорит, это начало девяностых:

– Видела сон, тётя Эльза жалостливо просит на могиле прибраться.

Отец её снам доверял безоговорочно. Всю жизнь шоферил, крутил баранку. Семейное предание гласит, по молодости, бывало, вернётся из командировки, из урмана, а мать ему: «Что это ты шуры-муры крутил с такой-то?» И описывает внешность «такой-то». Отец задохнётся от негодования, дескать, как ты посмела за мной следить? Потом дойдёт до него – никак не могла жена находиться в медвежьем углу одновременно с ним.

«Не сочиняй, – скажет, – что ни попадя».

На что мать твёрдо: «Мне сон приснился, видела твою кралю».

Так что отец находился под постоянным контролем. Когда услышал про тётю Эльзу, сказал:

– Надо ехать.

Прибыли в Казахстан, а на месте тётиной землянки храм православный. Вот так. Никого у тётя Эльзы не осталось. Было пять или шесть детей, все умерли один за другим. Переливание крови делать по законам иеговистов категорически возбраняется, а требовалось переливание.

Где могила родственницы, ни отец, ни мать не знали. Ветхая, с больными ногами бабушка-соседка объяснила, в каком углу искать могилку Эльзы. Нашли в указанной части кладбища два заброшенных рядом друг с другом холмика, похожих по описанию на искомую могилку. Никаких надписей на крестах. Обе прибрали, цветочками украсили.

Скорее всего, меня не крестили из-за отца, тот слышать не хотел про церковь, Бога. Хуже, чем я в пионерах. Маму из-за отца долго не могли пособоровать перед смертью. Что я, что сёстры мои, как только не подъезжали к нему. Нет и всё. Когда уже совсем маме плохо стало, разрешил: «Делайте, что хотите». Я батюшку Савву привёз, с трудом, с перерывами, но пособоровали.

Накануне моего тридцати трёхлетия жена подходит с торжественным лицом, при этом руку демонстративно за спиной прячет:

– Хочешь, подарок тебе сделаю?

– Какой?

Разжимает кулачок, на ладони крестик золотой:

– Пойдём завтра в церковь, покрестишься?

Сама за четыре месяца до этого покрестилась с подругой.

На следующий день была суббота, мы пошли в Крестовоздвиженский собор. В нём потом крестили наших сыновей, дочь, а вот внуков в других церквях крестили.

Из всех храмов Омска Крестовоздвиженский для меня самый дорогой. По отцу я немец, по маме русский, из казаков. Она из Сибсаргатки. На Дону, говорят, Саргаток много было, оттуда предки её приехали в Сибирь.

Деда по отцу звали Андреем Карловичем, сам он с Житомира. Предки перебрались в Вольты в XVIII веке.

Дед был богат на братьев – семеро. Храню фото, на нём четверо из них на стульях сидят – два солдата, два унтер-офицера. Это в Первую мировую войну. В Гражданскую одному из них голову срубили. Красные или белые нагрянули в село. Карл в Первую мировую отвоевал унтер-офицером, и не захотел больше никому служить. Белые или красные налетели и начали грабить. Брат не выдержал наглости, влепил офицеру по скуле. Силушка немереная – с одного удара свалил с ног гостя неучтливому. Ждать не стал ответной реакции, вскочил на коня и поскакал в сторону леса, там-то прекрасно знал, по каким тропкам уйти от погони. Конь оказался не такой резвый, как у белого или красного, лихой кавалерист-рубака не позволил Карлу уйти под защиту чащи, догнал и срубил на ходу голову. На глазах у деда голова брата слетела с плеч.

Дед Андрей женился после Гражданской на своей Августине, родилось двое детей, можно жить, но советская власть обложила крестьян, которые противились колхозному строю, игнорируя линию государства на коллективное хозяйство, таким налогом, что дед два раза заплатил, в третий не смог и решил отсидеться в лесу. В том самом, куда брат Карл не успел доскакать с головой на плечах. Жене наказал всем говорить, что на заработки ушёл. Был классным плотником и столяром. В лесу дед прячется, тем временем пшеница вызрела, а косить некому, жена с животом – третьим ребёнком, дядей Степаном, беременна. Дед ночью из леса тайком вышел и скошил хлеб. Мужик молодой, силушка немереная, руки как клещи, за короткую летнюю ночь успел всё поле пройти. Бабушка со светом вышла снопы вязать, доброжелатели увидели и доложили властям, дескать, подозрительно: баба на сносях, вот-вот рожать, и вдруг здоровенное поле скосила незнамо каким чудесным образом, вчера стояло нетронутым, сегодня она с пузом снопы вяжет... Явно где-то мужик рядом прячется.

Власти организовали облаву, призвали милицию, комсомольских активистов, прочесали лес. Деда и ещё троих беглецов поймали в свои сети. Расстреливать не стали, хотя могли, шла борьба с «классовым врагом кулаком», под эту статью любого и каждого могли подвести. Деда отправили в лагерь в Котлас.

У деда в роду мужчины все плотники. Постоянно ходили с артелями на заработки. Да что ходили, за океан плавали. В домашнем архиве есть фото прадеда, бабушки Августины отца – Роберта. Вековая канадская тайга, посреди густого леса пилорама, работающая от паровой машины. Прадед в комбинезоне и шляпе стоит, в руках держит длинное полотно пилорамной пилы. То ли менять собрался, то ли уже сменил. Заработал он в Канаде денег. Заторопился на родину и зря заспешил. Вёз из Канады богатую шубу, где-то на границе купил тройку лошадей. Хотел домой с шиком приехать. Не учёл одного – гражданской войны. Вместо шика получился пшик. Вернулся без шубы, тройки и денег. Рад был, живой до дома добрался.

Что касается деда Андрея, где-то в это же время не в Канаду отправился на заработки, поближе. Храню удостоверение, выданное ему Самарским уездным военным комиссариатом. Приехал на заработки в Самару, а его там цап-царап и в Красную армию. Хотели поставить под ружьё и бросить на фронты Гражданской войны, да выручило от фронтовых небезопасных будней рукомерство. В удостоверение написано, что колёсник Андрей Шмидке получает отсрочку от призыва на военную службу до 15 декабря 1920 года. Деда определили в мастерскую по производству повозок и тачанок для Красной армии. Участвуя в выпуске грозного оружия Гражданской войны, на фронт не попал.

В Котласе в лагере искусного плотника освободили от общих работ – поставили изготавливать мебель для начальства. Мастерил в тепле и при хорошем питании шкафы, комоды, столы, диваны и всякую другую мелочёвку – от стульев до будок для собак. Начальства много, запросы всякие-разные.

Мой старший сын Коля смеялся, когда младшего в армию призвали, мол, Миша, бери справку деда и дуй в военкомат, чтобы тебя тоже на колеса для тачанок бросили. Всё лучше, чем куда-нибудь в горячую точку попасть.

Дед не одну мебель делал, в Омске немало домов построил, кроме этого – в Казахстане, там тоже слава о нём шла.

В лагере дед сошёлся с оборотистым мужичком из Самары. Тот из себя был хлипенький, да голова варила, с кем лучше всего пойти в побег. Видит, дед крепкий, быка кулаком свалит, харчи хорошие – не исхудал в лагере и работает в нужном месте. Сговорились, дед тайком изготовил вёсла, припрятал в укромном месте. В праздник рванули. Как выбрались из лагеря, не знаю, но время улучили самое подходящее. Лагерь стоял неподалёку от Северной Двины, у берега находились примкнутые цепями лодки. Дед своими лапищами сломал замок, как спичку, и сел на вёсла. Из напарника гребец никудышный, дед двенадцать часов грёб против течения. До мяса стёр руки... Погоня, возможно, была, но беглецы ушли.

Повезло им, тогда ещё ГУЛАГ только-только набирал обороты, наплыв крестьян – спецпереселенцев и заключённых – огромный, система захлёбывалась, отчаянные люди бежали часто, на всех карательных органов не хватало. Наши беглецы, сойдя с лодки, пешком добрались до Самары. Оборотистый мужичок обещание сдержал, выправил деду надёжный документ. Дед дал весточку жене на Украину. Бабуля, что могла, распродала, троих детей (уже и дядя Степан родился) в охапку и в Сибирь. Дед решил подальше от Украины поселиться. Но жил под своим именем. Тотальный контроль ещё не накрыл всю страну, можно было затеряться.

Встреча с бабушкой произошла на станции Марьяновка. Обосновались в Омске на Северных улицах, которые стояли тогда на краю городской географии, дед рассказывал: волки забегали, собак драли.

У меня в архиве есть документ на бабушкино имя, выданный в 1919 году за подписью пастора, что она лютеранка.

Рядом на Северных с дедом и бабушкой жили ещё две немецких семьи, тоже лютеране. И стали они все ходить в православный храм – в Крестовоздвиженский. Дед только по великим праздникам, а бабушка – да. Крестовоздвиженский в 1937-м закрыли. За два года до этого власти вознамерились повесить на него замок, сначала закрыть, а потом снести. Москва двумя руками приветствовала местную инициативу, но верующие отстояли, вымолили храм. Вновь открыли Крестовоздвиженский собор в войну, в 1943-м.

Не знаю, перекрещивались деды в православие или нет, моего отца, скорее всего, в Крестовоздвиженском крестили, но не сразу после рождения. Родился после закрытия храма, в 1938-м. Где и когда крестился, не знаю. После его смерти я с сёстрами растерялся: можно или нет отпевать батю – крещён или нет? Потом вспомнили, он крестный отец своего племянника. Значит, и сам крещён. Отпели, как полагается.

Бабуля любила в нашу церковь ходить. Хорошо по детству помню, придёт и восторгается: «Как поют! Вы бы только знали, как хорошо поют!» Лицом светится...

Перед смертью увидела сон, будто вышла за порог дома, подняла глаза, а небеса разошлись, в них храм открылся храм, полилось сверху ангельское пение...

Глава третья

Семья и рогатый

Где-то вычитал, за каждой семьёй закреплён рогатый. Если монархия – власть, учреждённая Богом, то семья – Богом благословенный союз. Монарх венчается Богом на царствие, на союз со своим народом, мужчина и женщина соединяются Богом на вечный совместный путь.

«И оставит человек отца и мать своих, и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть».

Задача врага рода человеческого – разрушить Богом освящённый союз, свести на нет, расправиться с чудом – два чужих по крови человека становятся царством, церковью, самыми близкими на земле людьми. Рогатый из кожи вон лезет, дабы устроить революцию среди двоих, уничтожить царство, разрушить церковь. Каждая семья сталкивалась с подобным: вдруг ни с того ни с сего поднимается в доме пыль до небес, искры летят, тарелки свистят, разлетаясь на мелкие кусочки, оскорбления как из рога изобилия сыплются... Стихийное бедствие на ровном месте. А когда всё уляжется, ни муж, ни жена понять не могут – из-за чего сыр-бор разгорелся, разыгрался, вспыхнул. Ведь еле заметный пусык вызвал светопреставление!

Ну, а уж если неутомимый революционер с рогами поймают кого из супругов на крючок, тогда и вовсе держись.

Что произошло у меня?

Будущую жену первый раз увидел в ореоле. Работал на заводе, мне двадцать три года, обеденный перерыв, иду вверх по широкой лестнице, народ, кто поднимается, кто сбегает вниз, навстречу мне спускается девушка – с головы до пят в ореоле. Вокруг полно заводского люда, и только она одна в радужном ореоле. Зелёное платье, пышные каштановые волосы... И – ореол.

Было это осенью, а весной мы сыграли свадьбу.

Свадьба прошла комом. Потом говорили, вам сделали наговор. Я отчаянный атеист, впервые в жизни задумался: неужели такое возможно? У нас на заводе работала девчонка баптистка. У меня в голове не укладывалось, как в наше время можно верить в Бога? Ладно, бабушка моя, древний малограмотный человек, тут на два года младше меня и верит...

Началась кутерьма с того, что мой лучший друг Вова Долгачёв отказался быть дружкой за четыре дня до свадьбы. У меня мысли не возникало брать кого-то, а не его в свидетели. Вдруг приходит, вручает подарок, извини, не могу. По сей день его подарок, светильник бра, у нас в коридоре висит в память о Володе – скоропостижно скончался в сорок семь лет. Давай его трясти: почему не можешь? Он темнит: не получается, уезжаю. Вижу, не в том причина. И соврать правдоподобно не получается. Сыплет через каждое слово «извини». Я в шоке. Мы с ним со школы локоть в локоть. В одном классе, в одной группе в авиационном техникуме. Одно время у него дома были нестыковки с родителями, у нас жил, на одном диване спали. Спортом вместе занимались. Техникум окончили с красными дипломами, поехали поступать в Москву, в авиационный институт. Так как мы отличники, нам нужно было сдать один экзамен на «пять», и всё – зачислены. Если на «четыре» и «три» – сдавай остальные. Мы сдали на «четыре». Самоуверенности, что у одного, что у другого хоть отбавляй – к другим экзаменам не готовились. Нам срочно учебники через проводника московского поезда прислали. Оба не добрали баллов. В армию ушли по отдельности, после армии тоже в разные институты пошли на вечернее отделение. Но всё одно ближе не было друзей. Жили на Северных рядом. И вдруг отказывается быть дружкой.

По сей день для меня загадка.

После свадьбы несколько раз допытывался у Володи, что случилось? Наконец месяцев через пять говорит:

– Разве ты не помнишь, что ты мне сказал?

– Вова, да что я тебе могу сказать обидного?

– Ты сказал, что дружишь со мной, потому, что ты крутой на моем фоне...

То есть, я использую его для фона своей крутизны.

Во-первых, Вова сам парень хоть куда. По уму явно не слабее меня. А уж внешне, столько девчонок по нему сохло, да и женщин... Пусть в спорте я его посильнее был, ну и что. Да в любом случае не мог я такого сказать.

Просто ошаршил таким заявлением.

– Ты что, – говорю, – идиот?! Я сказал тебе такое? В мыслях не было!

Не один раз потом возвращался к этой загадке. Вова врать не будет. Позже приходилось читать, что бес даже старцев приводит в заблуждение. Принимает чьё-либо обличье и является в нём, не отличишь от реального человека.

Наотрез Вова отказался быть дружкой, я кинулся по друзьям-товарищам свидетеля искать. Одному ревнивая жена запретила под видом, будет с дружкой любезничать. У другого родственник умер, на похороны надо идти вместо свадьбы. Определился в последний момент – соседский зять из Ташкента прилетел, я к нему: выручай.

– Да запросто, – согласился без всяких.

Женат был, трое детей, не совсем по правилам, да куда деваться.

По всем пунктам свадьба шла наперекосяк. Загодя купил цветы. Шикарный букет роз. Тогда с цветами, а это восемьдесят четвёртый год, проблемно было не в сезон. В подпол опустил, думаю, утром достану, бутоны подраскроются. Да поторопился – рано вытащил на свет: не только распустились, квёлыми стали. Видимо, несвежие подсунули.

С машиной кутерьма. Должен был знакомый отца на «Волге» приехать. Она сломалась. Хорошо, тётя, отца сестра, в таксопарке работала. Давай срочно звонить. Нашли «Волгу», приезжает, глаза бы мои не глядели: не из новых, повидала виды, ещё грязная. И некому вымыть. Брат куда-то подевался, сёстры заняты. Хватаю ведро, тряпку начинаю мыть машину, разукрашивать. Попросил кого-то прикрепить куклу. Не посмотрел сразу, её за горло привязали. Подороги до загса проехали, дружка всплеснула руками: «Смотрите-смотрите, кукла за горло привязана – плохая примета!» Остановились, кинулись перевязывать.

Давление шло со всех сторон. Мне будто колпак на два размера меньше на голову натянули. Реально ощущал, не понимая, что к чему. Неувязки накапливались, накапливались, и это должно было во что-то вылиться. Разрешилось сначала скандалом с тёщей, потом – с родителями и, наконец, – дракой. Что за свадьба без драки – это хорошо говорить абстрактно, а когда драка на твоей свадьбе приятного мало.

Тёща моя была женщиной рукастой и энергичной, с утра до вечера заводной, за ней не угонишься. Но имела у неё одна особенность, о которую два раза споткнулся за свою жизнь: ненавидела термин «тёща», крайне болезненно реагировала на него. Сразу шла в бой, как бык на красную тряпку.

Как же на свадьбе не пройтись забористо по адресу новоиспечённой тётки. Так всегда было и будет. Обычное явление. Тем более компания подвыпившая, не самая, скажем, интеллигентная. Да и тёща моя не из дворянского сословия, исконных и посконных деревенских корней. Гости шуточки начали отпускать, анекдот кто-то рассказал. Этого хватило, чтобы тёща встала и ушла. Я сначала не понял. Думал, просто вышла. Жена шепчет:

– Мама уходит.

Я за тёщей:

– Куда вы?

Она категорично:

– Я пошла, раз со мной здесь так обращаются!

Меня такая злость взяла. Как ещё надо обращаться? Сидела во главе стола, я самые добрые слова сказал, благодаря за дочь, мамой назвал. Вдруг со злостью «раз со мной так обращаются». К тому времени во мне столько негатива скопилось, ещё и с этой стороны получил. Ногой после реплики тётчи как шибану, открывая дверь.

Короче, тёща увидела, какой буйный зять достался.

Ушла, калиткой со всей силы хлопнула. Разошлись корабли.

Мама ко мне:

– Саша, что случилось?

До сих пор страшно стыдно – наорал на неё. Почему-то посчитал, тёща по её вине ушла.

Мама плачет, жена плачет. Соседка, тётя Лена, отличная женщина. Она меня с женой обняла:

– Пойдёмте, детки, ко мне. Поверьте, вам надо успокоиться, им надо успокоиться. Всё хорошо будет.

Увела. Мы на самом деле, будто из тяжёлого, гнетущего поля выскочили. Тётя Лена чаю налила, достала мёд, у неё всегда был мёд вкусный. Я жену рукой приобнял за плечо:

– Мариша, мы же с тобой самые близкие люди на земле, нам нельзя ссориться.

Свадебные напасти на этом не закончились. У мамы приступ стенокардии. Наши перепугались, вызвали «скорую». Её нет и нет. Снова позвонили. Родной мой брат Олег, ему только-только восемнадцать исполнилось, побежал ловить «скорую» на Герцена. В это время «скорая» подъезжает с другой стороны нашей улицы. Маме ставят укол и уезжают.

Олег этого не знает, ещё раз позвонил из автомата: сколько можно ждать, человек умирает. Направили вторую «скорую», подъехала, ей говорят: всё нормально, машина пять минут назад была. «Скорая» начинает двигаться в сторону Герцена, брат встал посреди дороги – стоять, не пушу, надо оказать помощь болящему. Он издалека узрел, что «скорая» подъехала к нам и сразу уезжать. У меня прадед по маме казак, воевал на Первой мировой войне, в нём было два метра четыре сантиметра роста, дед, погиб на Великой Отечественной войне, тот на два сантиметра пониже. Олег одного сантиметра до двух метров не дотянул. Заметный парень.

Врач «скорой», мужчина лет сорока, видит, не вполне трезвый юнец хулиганить вздумал, берёт монтажку, выскакивает на дорогу. На беду появилось ещё одно действующее лицо – мой друг детства Гена Кардаш. К тому времени он успел крепко выпить на нашей свадьбе, кто-то увёл его домой. Он поспал, а проснувшись, отправился догуливать. Идёт свеженький после сна, в радостном ожидании продолжения банкета, и вдруг видит на Олега с монтажкой воинственно идёт мужик. Кардаш даже не уразумел, что это доктор из «скорой». Видел одно – мужик с монтажкой движется на Олега и сейчас пустит железяку в действие. Недолго думая (а когда тут рассуждать, стремительность и натиск всегда были слагаемыми победы), Гена подскочил и врезал доктору в ухо. Гена сам не из мелких, если и пониже Олега, сантиметра на два, и кулак с добрый оковалок. Доктор в буквальном смысле улетел к машине и монтажка не помогла. Олег начал успокаивать Кардаша, мол, ты поторопился с мордобитием, больше не надо, со свадьбы прибежал народ, кинулись улаживать конфликт. Обступили доктора: простите, не надо в милицию, мы заплатим. Доктор был вне себя от гнева, ничего слушать не хотел. Короче, приехала милиция, Кардаша забрали. Продолжение банкета у него не получилось.

Поздно вечером мы с женой вернулись на свадьбу, всё к тому времени утихомирилось, одни близкие сидели за столом. Мама, сёстры, брат. Батю уложили, тоже крепко выпил. Сёстры рассказали последние новости: Кардаша взяла милиция, ему грозит срок.

Тогда-то тётя Лена, успокаивая маму, та очень переживала, сказала:

– Не виноваты вы ни в чём, вам кто-то сделал.

Я ещё подумал, какая ерунда? И в то же время сокрушался: ну, почему всё кувыркком?

На второй день блины, «баня», сёстры с утра суетятся. А мне какие блины с баней, нужно по горячим следам Кардаша выручать, с доктором как-то разруливать вопрос, пока делу не дали ход. Потом поздно будет, часы решают. Поехали с женой искать потерпевшего. С трудом удалось выяснить адрес медика, которого Кардаш приглубил кулачищем. Доктор как узнал, кто мы и по какому поводу, на порог не хотел пускать. Настроен был более чем категорично. Нет, нет и нет, никаких доводов и объяснений слушать не хотел.

– Я вообще не пью, – стоял на своём, – а эта пьянь в драку. Пусть посидит, подумает. Учить таких придурков надо! Учить! И не надо мне ничего говорить!

– Я тоже не пью, – объясняю, – с десяти лет занимаюсь борьбой. Но вы поймите – свадьба.

Пытаюсь достучаться до него, рассказать о роковой цепочке случайностей, которые привели к инциденту.

– Вам он зарядил, защищая моего брата, – говорю. – Выпивши, конечно, свадьба всё-таки. Он даже не понял, что вы доктор и при исполнении. Шёл из дома, вдруг видит, вы идёте на брата жениха с монтажкой. Когда было выяснять что к чему?

Кое-как уговорил доктора. Нормальным мужиком оказался. Поехал с нами, забрал заявление, Кардаша выпустили.

Свадьба – один из самых тяжёлых дней в моей жизни.

Не только тётя Лена, все соседи удивлялись, ни у кого-нибудь, а у нас такая свадьба. Ни дебоширов в доме, ни скандалистов. Что между собой в семье нормальные отношения, что с соседями. Отца в округе все знали и уважали за честность, порядочность, готовность помочь. Постоянно следил за дорожным полотном на нашем отрезке улицы. Работал на машине, поэтому была возможность гравий привезти, отсыпку сделать. Про маму и говорить нечего. На её похоронах соседка, Антонина Никитична, учитель начальных классов, сказала, что мама была душой улицы.

Много позже понял, «вам сделали» – не бабушкины сказки. Свадьба – одно из мероприятий, куда нечистую силу магнитом тянет. Как же – закладывается семья, малая церковь Христова, надо заложить мину в её фундамент.

Мы с Мариной сразу после свадьбы на неделю уехали в Киев. Незабываемые дни. Май, каштаны, яблони, вишни, абрикосы – всё в цвету, теплынь. Нет счастливей нас на свете!

Жили замечательно. Друг за другом родились сыновья – Коля и Миша. Марина сама по себе человек спокойный, сдержанный. Я в чём-то – ртуть. Из тех, о ком в характеристиках и газетных статьях пишут: человек активной жизненной позиции. Даже слишком активной, куда только нос не совал, особенно в духовном плане, за что и получал. На заводе организовали первый в городе молодёжный жилищный кооператив, я стал председателем. Получил квартиру в первом эмжэковском доме.

Два года прожили, сыновьям пять и четыре годика. Научил их на даче делать пионерский костёр. Технологию всю подетально показал: ставишь дрова шалашиком, внутрь закладываешь тонкий хворост и бересту, чиркаешь спичкой и «взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры – дети рабочих»... Буквально за неделю до этого купили мне в кредит пальто, костюм и галстук. Меня назначили начальником отдела, Марина постановила:

– Тебе надо выглядеть соответственно. Хватит ходить в свитерах, не студент всё-таки...

Что не люблю, так галстуки, всё-таки настояла. Как сейчас помню, бордовый выбрала с искрой и строгий чёрный. Кстати, испытание огнём прошли одни галстуки.

Если по порядку, получилось следующее. Марина привела мальчишек из садика и убежала в магазин, я на работе. Коля решил Мише продемонстрировать, что не хуже меня мастер по пионерским кострам. В моём детстве на Северных было проще с огнепоклонством – огород, пустыри... Коля поставил на кровати шалашиком штук несколько газет. Он, конечно, паршивец, и всё же молодец – могло бы окончиться гораздо хуже. От пионерского костра занялась спинка кровати, дальше больше. Миша в испуге нырнул под кровать в детской, Коля его за

уши вытянул оттуда, выпихнул за дверь. Тогда ещё металлические не ставили, простенькая деревянная. И снова Коля повёл себя не лучшим образом. Постучался к соседке этажом ниже, та открывает, Лида Басова, они плачут.

– Что такое? – спрашивает. – Почему слёзы?

– Мама ушла в магазин, – Коля докладывает, – нам страшно!

Ни слова о пожаре.

Лида посчитала, что дополнение в лице моих детей к её пятерым сыновьям и дочкам погоду не испортит, скомандовала:

– Заходите, – говорит, – побудьте с моими архаровцами.

Первым почувствовал дым сосед по площадке из однокомнатной квартиры. Выскочил, толкнул нашу дверь, а там уже пламя – не сунешься. Побежал на улицу к телефону-автомату вызывать пожарных. И забыл свою дверь закрыть, со сквозняком пошёл огонь к нему. Тоже погорел.

Из окон моего отдела дом наш был виден. Мне соседи звонят: у тебя пожар, но ты не паникуй, дети внизу. Посмотрел, показалось, больше горит у соседа в однокомнатной. Сорвался, подъезд задымлен, только у самой лестницы узенькая прослойка с воздухом, пригибаясь к полу, поднялся, навстречу жар, как от мартеновской печи.

Прилетели пожарные, всё залили. Квартира – жуть смотреть. Спальня полностью выгорела, стены чёрные. Шкаф платяной, в зале стоял, упал, сгорел не дотла, но содержимое восстановлению не подлежит. Костюм мой, благородного серого цвета, в кредит купленный, пальто с норковым воротником, тоже в кредит брали, одежда Марины – всё собирай в мешок и тащи напрямик на помойку. Зато галстуки огонь не тронул, хоть тут же бери да повязывай. Единственное – гарью воняют.

Посмотрел на всё это, взял сыновей за руки, привёл на пожарище. Говорю:

– Коля, посмотри на результат твоей работы, и запомни, так делать нельзя!

Он, конечно, в рёв.

Поплачь, думаю, поплачь. У самого внутри радость. Просто подъём: ну, сгорело и сгорело! Ну, остались в чём были и что? Дети живы, жена жива, а барахло, что по нему слёзы лить? Наживём.

Соседи с первого этажа пригласили переночевать.

На следующее утро директор завода вызвал и распорядился,

– Бери всех своих работниц отдела, идите и приводите квартиру в порядок...

Тут же дал команду выделить стройматериалы на ремонт и выделить ссуду.

Весело пережили тот пожар.

Жену очень любил, тянуло к ней со страшной силой. В командировку уеду – часть меня отрезана. Марина из тех, кому надо гнездо и чтобы в нём был идеальный порядок. Вшито в ней – ни соринки, ни пылинки. Но не размазня. Однажды в автобусе едет, народу много, сыновья тут же, один сидит, второго за руку держит, на плече сумка. Глаз скосила, а из сумки кошелек поднимается в воздух, увлекаемый двумя тонкими пальцами карманника. Недолго думая, зарядила хозяину пальцев кулаком промеж глаз, и тут же кошелек совершил обратный полёт в нутро сумки.

Коле было шесть лет, Мише – пять, начал заниматься с ними каратэ и рукопашным боем. Записал в секцию. Я был одним из первых, кто начал в городе заниматься каратэ. Потом перешёл в рукопашный бой, детей подтянул. Вместе тренировались, готовились к соревнованиям, я выступал на соревнованиях до тридцати шести лет. Боксёры, борцы отличаются от других видов спорта спаянностью и дружбой. Бойцовское братство. У меня с сыновьями несколько лет сохранялось оно. Пока я не задурил.

Глава четвёртая

Сон с чёрными ангелами

Имя жены звучало музыкой, от которой сердце обдавало нежностью. Звал Маришей. Доставляло удовольствие придумывать производные: Маришуся, Маришуня, Маришаня. На трезвую голову кажется – ерунда какая. Но какая голова трезвая, если в сердце любовь. Это потом с появлением второй Марины думалось: неужели это был я?

На четырнадцатом году супружеской жизни снится сон. Подхожу к окну (этаж четвёртый-пятый), а за окном на приличном расстоянии два ангела. Не белые. Один из них начинает двигаться в мою сторону. На душе у меня никакой тревоги. Вдруг голос: «Нельзя, это опасно, уходи». Послушно отступаю вглубь комнаты. Лицо ангела приближается к стеклу, по величине соизмеримо с оконной рамой. Я пячусь из комнаты, оказываюсь в коридорчике, слева входная дверь, у порога коврик, сажусь на него... Вот когда охватило чувство страха. Собака, испугавшись, поджимает хвост, я инстинктивно старался сделаться меньше, втянул голову в плечи, весь сжался.

Сон запал в память до деталей. Позже узнал место его действия, квартиру по переплёту рам определил. Через пару месяцев после сна встретился сначала с одним ангелом, позже – со вторым. Женщины. Они вторглись в мою жизнь и долго сопровождали меня.

На тот период я был соучредителем предприятия по выпуску мягкой мебели. Ни столяром, ни плотником не был, а пошёл по стопам деда Андрея, который столько мебели переделал за свою жизнь.

Первым ангелом из того сна была тёзка моей жены, тоже Марина.

В Казахстане жил мой двоюродный дядя – дядя Толя. С моими родителями его обширное семейство активно роднилось. Наведывались к нам в гости, мы ездили к ним. Тот случай, когда встречи всегда желанны, не в тягость. По соседству с дядей жила семья учителей по фамилии Алексашенко. Хорошие люди, но бездетные. В шутку, и в то же время не совсем шутя, просили у моих родителей, чтобы отдали меня им на воспитание. Дескать, у вас детей много, одним поделитесь, не заметите, а нам какая радость. Алексашенко, тётя Надя и дядя Валерий, заочно окончили Омский пединститут. Приезжая на сессии, часто останавливались у нас.

Так и состарились без детей. А за своего ребёнка считали Марину, дочь коллег по школе, тоже учителей. У тех было два сына и дочь. Алексашенко опекали Марину с ранних лет. Маленькую часто брали понянчиться, подросла – стали брать с собой в отпуск. Любили путешествовать, тётя Надя была географичкой, Марину возили в Узбекистан, Грузию, на Алтай, в Сочи, Крым. Можно сказать, жила девочка на два дома.

И вот Алексашенко звонят моим родителям, просят помощи. В Казахстане русские стали вторым сортом, с работой тяжело. Марина окончила институт, филолог, никуда не может устроиться. Тётя Надя просит мою маму: «Помогите по возможности. В России всё легче нашему брату».

Мама у нас миротворец. На улице все её любили и уважали. В том числе цыгане. Через два дома от нас жили ромэлы с бессчётным количеством детей. Те росли как чертополох в огороде. Цыганка с цыганом с утра пораньше заведутся дела делать, цыганята, сами себе предоставленные, бегают в любой холод полураздетые. Часто бывало, дверь в доме захлопнется, а у них ключа нет. Мама зазовёт к нам, умоет, укутает, накормит, вечером взбучку родителям даст. Был случай, поехала на оптовку, пока товар выбирала, кошелёк умыкнули. Мало того, деньги в нём, а ещё и пенсионное удостоверение. Это какая волокита восстанавливать. Наши цыгане узнали о беде и через день принесли кошелёк со всем его содержимым.

Маму любили. На похороны столько людей пришло...

Алексашенко попросили её посодетствовать, приютить на первое время Марину, пока та не определится с работой, жильём. Мама – широкая душа: «Да пусть живёт сколько надо, дом большой, нам веселей будет».

Дом, действительно, отец с дедом большой выстроили, мы к тому времени все по своим углам разъехались, один брат жил с родителями.

Так появилась в моей жизни вторая Марина.

В наших с женой духовных исканиях, скорее – метаниях, жена была авангардом. Первую мысль она давала, делала первый шаг, я следом подключался, и если появлялся интерес, начинал раскручивать тему. Жена прочитала про Джуну, пересказала мне, я давай пробовать лечить руками. Стало получаться. Поехали за город – речка, рыбалка, палатка, костёр. Сварили какао, сыновья и дочь – все любители какао, мне оно что есть, что нет – они то и дело просили в детстве: «Мама, какао сделай». Сварили на костре. Со сгущёнкой. Марина по кружкам разлила, Коля подлетает, хватать кружку, она не керамическая, эмалированная, походная. Бросил, завыл от боли. Тут же волдыри вскочили. Я давай работать, волдыри сразу сошли. Зубную боль снимал. И у жены получалось руками лечить.

С экстрасенсами одно время водились. Было дело, у американских сектантов отметились – вкусили экзотику с клоунским оттенком. Своего бога те восхваляли по частушечному принципу: «Петь буду и плясать буду». Какие-то песни пели с прихлопами да притопами. К ним несколько раз сходили с женой. С Максимычем, тибетским лекарем с вятской физиономией, задружили. Он дом на Северных купил, ну и познакомились. Как же мы мимо пройдем. Медицина тибетская, но иконы в доме развесил православные. Сам по себе Максимыч был мужиком хорошим, добрый, отзывчивый. Кому-то позвоночник ставил, головные боли снимал... Я сам у него лечился, детей водил.

Бедные наши дети, к кому только не таскали их непутёвые родители.

Батюшка Савва скажет однажды:

– Первыми в ад путёвки получают колдуны, чародеи, маги, заодно и клиентуру за собой тащат.

Но даже после знакомства с батюшкой Саввой, после его наставления в отношении колдунов, пару раз замазался с чародеями.

Каратэ занимался. Тренер говорит. У нас никакой религии. Но заходишь в зал, поклонись. Кому? Духу зала. Много лет не придавал значения, потом замкнуло: какому такому духу? Тогда и перешёл в рукорпашку.

На фоне моего интереса ко всему из ряда вон выходящему, появилась баба Зина из Казахстана.

Перед сном с двумя ангелами произошли следующие события. Поехал с женой к дяде Толе в Казахстан. У того два сына, младший, Илья, олигарх местный. По сей день некрещёный и по сей день и батюшке помогает (то на ремонт крыши храма выделит деньги или колокол купит), но и у муллы на хорошем счету – принял посильное участие в строительстве мечети. Всеядный.

– Илюха, – говорю, – ты бы уже прибавился к одному берегу: или крестился или обрелся. Получается – и вашим и нашим вприсядку пляшем!

– Ничего, ничего, Бог один, он всё видит.

Второй сын у дяди – Эдик, в Германии живёт. Неверующий. Лет пять назад в Россию приезжал, гостил в Омске. Я тогда уже был воцерковлённым, поэтому кто о чём, а лысый о расчёске, подвёл разговор к вере. Эдик мне:

– Сань, ну как ты, умный человек, образованный, окончил техникум на отлично, институт, работаешь директором, можешь в церковь ходить? Ну, скажи честно, как брат брату, там ведь в основном необразованные тёмные бабки.

– Ты знаешь, – говорю, – почти все образованные, в том числе бабки. Я бы сказал, бабки сегодняшние молодняку нынешнему не уступят по светскому образованию. У тебя представление, тёмные дореволюционные бабки, о которых нам с тобой толковали в школе и которым в 1917-м революционном году большевики свет принесли, а они его отвергли, эти самые доисторические бабки по сей день оббивают пороги церквей. Прикинь, сколько им должно быть лет? Далеко-далеко за сто. Мне такие ископаемые бабки ни разу не попадались в храмах.

Что Илья, что Эдик, нормальные, работающие мужики, далеко не глупые, но...

Жена Ильи в тот мой приезд говорит:

– У нас есть очень хорошая бабушка, народный целитель.

Тогда я в отношении веры был в десятки раз темнее «тёмных дореволюционных бабок», несмотря на свои дипломы и должности, поэтому встрепенулся.

– Познакомь!

С баб Зиной мы сразу нашли общий язык, своими людьми стали.

Поэтому, когда у мамы начались проблемы с почками, сразу позвонил в Казахстан. Баб Зина завершила:

– Всё вижу, буду лечить, если понадобится – приеду.

Приехала. Энергии в старушке на десятерых. Первым делом, говорит, надо пойти в церковь, потом – на кладбище.

В церковь, вроде понятно, но на кладбище-то зачем? Ладно, целителю виднее. У него свои секреты мастерства.

Повёз в Крестовоздвиженский собор. По народно-целительной методике баб Зины – надо поставить тринадцать свечей. Цифра насторожила и откровенно не понравилась – почему именно тринадцать? Спрашивать и спорить не стал. Некоторые догматы баб Зины и ранее смущали. Плевать, говорит, надо через правое плечо, а не через левое. Со стороны сердца стоит хороший ангел, который за нас, а нехороший, на которого и следует щедро слюной брызгать – он с правой стороны. Думаю, что-то, баб Зин, не то толкуешь.

В церковь привёз в воскресенье, народу полным-полно. Купил тринадцать свечей, отдал ей. А сам делаю вид, что не гляжу на неё, она мне попросту не интересна. Занимаясь борьбой, специально тренировал себя на развитие бокового зрения, вроде взгляд направлен в одну сторону, но видишь всё, что вокруг происходит. Поставила баб Зина тринадцать свечей. Скользкую арифметику незаметно исправил: тринадцать за мою маму не пойдёт – ещё одну потихоньку купил и водрузил на подсвечник. Службу отстояли, отец Иоанн, митрофорный протоиерей, вышел с крестом, прочитал проповедь. Народ выстроился крест целовать. Я слежу за объектом. Но и она, заметил, время от времени меня глазами ищет, бабушка себе на уме. Подходит к кресту, отец Иоанн начал ей что-то говорить, она юрк и отошла. Не дал приложиться к кресту.

Эге-ге, думаю, интересный расклад. Сам, делаю вид, будто ничего не заметил, ступил за колонну. Жду, что дальше будет. Баб Зин подходит, зырк на меня, видел или нет? Держусь индифферентно, полная безмятежность на лице. Похоже, решила, не видел. И всё же, на всякой случай, а вдруг заметил, в машине говорит:

– Батюшка поругал, что неправильно крещусь. А у меня пальцы толком не гнуться, корову ведь дою. Он замечание сделал.

Не сказала, что к кресту не допустил. Я тоже промолчал.

Но до конца, надо сказать, не понял тогда, с кем имею дело. Это уже потом батюшка Савва объяснил, кому служат такие люди.

После церкви отвёз её на кладбище, внутрь баб Зина одна пошла, я сидел в машине за воротами кладбища, мысленно обращаясь к родным усопшим. К деду Андрею, бабушке Августине, которая нам Библию читала. С бабушкой долгие годы был контакт, впрочем, и сейчас есть. Сердцем чувствую: слышит, когда обращаюсь к ней.

После поездки в церковь у меня стали накапливаться в отношении баб Зины нестыковки. В тот год она несколько раз подряд у родителей останавливалась, купила в Новосибирской области домик, туда переехала с мужем и сыном. Моталась в Казахстан и обратно через Омск, и к нам заезжала. Однажды пригласил к себе, баб Зин обошла квартиру и давай учить, какие иголки надо в окна и в двери втыкать. Я ведь воткнул. Полечила моих сыновей, а вот дочь жена наотрез отказалась давать. Что-то почувствовала.

Один раз баб Зин приехала в Омск вся больная, язвы на ногах. Говорит мне:

– Вообще умираю.

Я, добрая душа, вызвался:

– Давай полечу твои ноги.

Когда при лечении руки ставишь, начинаешь ощущать, как движется энергия по кругу: из одной руки выходит, проникает в объект лечения, затем входит в другую, проходит через тебя, снова из той же руки выходит к объекту... Здесь из одной руки выходит, в другую не идёт, как ни пытаюсь. И холод. Ощущение, которое называю поцелуй покойника – тепло уходит-уходит. Когда бабушка Августина умерла, мне было десять лет. На кладбище прощались с ней, февраль, мороз под тридцать. Поцеловал бабушку в лоб, и на губах осталось ощущение ледяного холода.

Болезнь баб Зины не по зубам оказалась мне, пошёл к Максимычу, договорился – завтра баб Зину приведут к нему на приём. Распрощался с Максимычем и отправился к себе домой. Еле доехал, с превеликим трудом поднялся на пятый этаж. Пьяный и пьяный. Жена дверь открыла, а я будто два стакана водки выпил – язык еле ворочается. Силы из меня, как воздух из шарика, вышли – сдулся до нуля.

На следующий день более-менее восстановился, приезжаю к родителям, вот те раз – умирающей баб Зины в помине нет.

– Где? – спрашиваю. – В больницу увезли? Совсем свалилась?

Оказалось, здоровее всех живых. Уметелила на другой конец города. Максимыча посетила, и все хвори как рукой сняло. Вот, думаю, что значит, дело мастера боится. Вчера баб Зина при смерти была, сегодня полетела, аки птица. Поставил Максимыч болящую на крыло. Выхожу за калитку, смотрю, Максимыч в нашу сторону движется. Да не Максимыч, тень от него. Всегда живчик, здесь еле ноги переставляет.

Озираясь, спросил шёпотом:

– Бабки твоей нет?

– Куда-то, – говорю, – упорхнула уже. Так хорошо полечил её...

Максимыч плачущим голосом:

– Саша, не приводите её больше, не надо. Меня учила лечить одна умная женщина. Прожила сто лет. Говорила: «Бойся чёрных людей». Твоя бабка чёрный человек. Я стал лечить, с меня всё, как в яму, ушло. Обычно, чайку попою, минут десять посижу и восстанавливаюсь, следующего пациента принимаю. Бабка утром у меня была, сейчас вечер, я ещё не отошёл. Видишь?

И поднимает руки, а они у него ходуном ходят. Бешеный триммер.

– Ладно, – говорю, – скажем, что ты уехал.

Максимыч обрадовался:

– Скажите-скажите! И не скоро вернусь.

Баб Зину в Казахстане наши родственники нахваливали, мол, такая искусница. У брата Ильи жена Света подходит к своей калитке, вдруг чувствует, с лицом что-то, выхватила зеркальце из сумки, а у неё не лицо, а луна в период полнолуния, расплылось ни с того ни с сего. Побежала к баб Зине:

– Ой, спасай, помогай!

Та давай ругаться:

– Это Валька, дрянь такая, сделала, колдунья чёртова, сейчас сниму.

У них в селе насчитывалось три знахарки, конкурирующие друг с другом. Баб Зина воск отлила, «порчу» сняла. Луна лица бесследно у Светы исчезла.

Одним словом, есть подозрение: сама «делала», а потом сама же и лечила. Чем не бизнес.

С баб Зиной мне повезло, загруженность на работе не позволила брать у неё уроки. В эту болотину не встрял. Хотя баб Зина усиленно подтягивала к себе, мол, передам опыт целительства. Поделюсь всем, что только сама знаю, ничего не утаю. Будешь всегда при деньгах и уважаемым человеком.

Глава пятая

Ангелы из сна

Кроме баб Зины в тот памятный год познакомился с женщиной, на двенадцать лет младше моей жены, имя то же – Марина. У обеих отцы – Василии Николаевичи. Обе одеваются со вкусом, у одной и другой гуманитарный склад ума, но и предприимчивость деловая. Параллелей много.

С той самой первой встречи с Мариной проскочила между нами искра. После неё дым пошёл коромыслом.

Мама до смерти простить себе не могла: сама любовницу сыну в дом зазвала.

Марина походила на одного из ангелов из сна, того, который приблизился к окну. Со вторым позже тоже довелось встретиться. И не один раз.

Жена быстро почувствовала – у меня роман на стороне.

Сказал ей:

– Да, немного увлёкся, но это, временно, не бери в голову.

Даже попросил разрешения в театр с Мариной сходить.

Само собой – «взяла в голову».

Ума много не надо, представить, что творилось у жены в душе. Какое-то время сдерживалась, терпела, надеялась – перегорю, перебешусь.

Затем начались скандалы. Жена не из тех, кто будет безропотно сидеть в уголочке, платочком слёзы утирая. По всем законам конспирации и диверсионной деятельности принялась вести слежку.

Я снял Марине квартиру на Лермонтова, утром выхожу оттуда в бодром настроении, что за напасть? Все четыре колеса моей машины проколоты. Огляделся, ни у одного автомобиля, рядом стоящего, нет дырявого сюрприза, все целёхонькие, лишь моя небесной синевы «тойота» полностью обезножила. То есть, удар нанесён адресно.

На дворе в разгаре лето, я весь в белом. Даже туфли светлые. Пришлось пиджачок сбрасывать, доставать ключи и заниматься далеко не конторской работой... Часа два провозился. Колесо сниму, ташу на вытянутых руках, чтобы рубаху, брюки не измазать, в шиномонтажку. А там метров пятьсот. Так четыре раза.

Вторая акция была направлена сугубо на Марину. Пока я был на работе, жена на Лермонтова нагрязнула с моей мамой. Прихватила свекровь для увеличения ударной силы воздействия на разлучницу. Мама сама рвалась обличить последнюю, приютила её у себя дома, а она, бесстыдница, в ответ на доброту влезла в чужую семью... Марина ушла в глухую оборону. Нападающая сторона, как ни давила на звонок, как ни колотила в дверь руками и ногами, как ни шумела, Марина не открыла. В итоге только что и удалось – мстительно нацарапать на двери большими буквами короткое и обидно для любой женщины слово. С тремя восклицательными знаками.

Я через полчаса по зову Марины приехал, увидел надверное художество и поехал к родителям. В самой категоричной форме приказал не встречать в мою жизнь.

Сейчас задним числом понимаю свою неправоту, а тогда жёстко вопрос поставил: не лезьте, не в своё дело, я не школьник учить уму-разуму, отошли те времена.

И все уши поджали.

Отец не встречал в нашу с мамой перепалку. Отмолчался. Конечно, переживал, видно было по лицу, но слова не вымолвил.

На этом дело не кончилось, наоборот – дошло до мордобоя и рукоприкладства. Жена выследила Марину и врезала кулачком по физиономии. Как тому карманнику в автобусе. Удар был нанесён метко и сильно – у Марины синяк под глазом налился.

После этого я ушёл из дома. Исключительно, дабы оградить Марину от нападков, быть рядом с ней в этот взрывоопасный период. Разводиться, уходить из семьи не думал.

Собираю вещи, дочь-кроха, было ей три года, почувствовала:

– Папа, ты куда? Не уходи.

Сын Миша, ничего не понял, а эта плачет:

– Не уходи, ты куда?

Когда жена сказала сыновьям, что я ушёл, Миша начал биться телом в стену. Разгонится – удар. Разгонится – удар. Жена обхватила его руками, прижала к себе: «Что ты, что ты?!» Он вырвался, разревелся до истерики. Страшным шоком стало – отец предал. Коля (учил его, если что, ты старший в семье) повёл себя категорично. Возвёл мой поступок в разряд «если что». И сделал вывод: ушёл, значит, мы ему не нужны, следовательно, и он нам до фонаря!

Я не собирался бросать семью, все расценили мой поступок уходом. Марина, прежде всего. Зная мою натуру, вопросов не задавала, и светилась, как же, я рядом, план её выполняется.

А мне плохо.

Через две недели позвонил жене:

– Надо встретиться.

Зафыркала, «забудь наш телефон», «тебя для нас нет». Потом успокоилась:

– Ладно, в кафе «Слобода».

Уютная кафешка – раза два с женой обедали в ней.

Я подъехал чуть раньше. И тут произошло со мной событие из ряда вон. Назову его – «как Господь лечит».

Из-за переизбытка машин припарковался на другой стороне дороги от кафе. Сел на лавочку, кафе наискосок. Вдруг в поле зрения попадает жена, рядом с ней идёт мужчина. На нём кашемировое чёрное стильное пальто, белоснежный шарф, гордо посаженная, как у танцора, голова. Жена останавливается, что-то говорит, потом разворачивается к переходу, он останавливает её, берёт за руку, наклоняется к её лицу, она слушает его, снова идут рядом.

Меня обдало жутким холодом: я теряю семью. Мгновенно сделал такой вывод. Моя жена идёт с мужчиной на встречу со мной. Значит, познакомились не пять минут назад.

Считал, всё в семье зависит исключительно от меня, замыкается только на мне, решаю один я.

Реально это была моя жена. Её куртка, сумка, походка, причёска.

Внутри меня всё затряслось: я проспал жену. В голове началось метание мыслей: сколько раз ты собирался покончить с Мариной, рубануть, уйти от неё раз и навсегда, в результате всё разрешилось более чем просто. И кого винить?

Сажу в полной прострации. Потом медленно поднимаюсь со скамьи, перехожу дорогу, жена с мужчиной направляются в сторону кафе.

В голове мысль: она решила представить мужчину, чтобы расставить все точки – со мной всё покончено.

Они проходят мимо кафе.

Женщина вообще на жену не походит. Вообще. Юбка, походка, сумки такой у неё никогда не было.

Но ведь я чётко видел, когда они шли, – моя жена.

Вдруг абсолютно не она. Не её одежда, не так идёт. Как мог увидеть то, чего не было?

В тот период у меня произошло отсечение жены. Голова помнила, что я люблю жену, я помнил до мелких деталей картину – когда впервые увидел Марину в ореоле. Но сердце

с трепетом, волнением, уханьем от аромата жены, её взгляда, будто отключили. Столько лет обдавало волной нежности, когда оказывался рядом с женой...

Само собой, здесь и телесное влечение, но не только. Обожание, восхищение, высота отношений, которые могут быть только у супругов. Как ребёнка, хотелось её обнять, прижать чмокнуть лишний раз в щёку, уткнуться в родное плечо. Нежность, радость, восторг, полёт...

Вдруг всё отключилось. Память помнила – сердце молчало.

Про Португалию расскажу дальше. Пока, забегаю вперёд, приведу к слову эпизод из той эпопеи. В Португалии в одиннадцать вечера выходил из дома, шёл на поляну, была поблизости и тренировался. После знакомства со второй Мариной спорт забросил, не до того стало, на соревнованиях больше не выступал. В Португалии начал тренироваться, чтобы не закиснуть вконец. Поляна была на берегу океанского залива, на противоположной его стороне стояла католическая церковь. В двенадцать ночи бил колокол.

Однажды занимаюсь на поляне, и возникает чёткое ощущение: дети мне не нужны. Пришло осознание: моё сердце, как и в случае с женой, холодно к сыновьям, дочери. Молчит. Я испугался. Это ведь тупик.

К сыновьям испытывал более чем отцовские чувства, говорил уже о братстве, что возникает у спортсменов-борцов. Тренировались несколько лет вместе, в соревнованиях участвовали. Поддерживали друг друга. Вдруг равнодушные, будто враз стали чужими, безвозвратно ушли из сердца. Я начал обращаться в прошлую жизнь, заставлять себя вспоминать наши тренировки, соревнования, совместные поездки за город, как ходили семьёй в парк, плавали на катамаранах, кружились на каруселях, катались с горок. Вспоминать ночные службы, на которые ходили с ними, – Пасха, Рождество.

Ложусь спать и пока не засну – вспоминаю, вспоминаю. Принудительно пытался запустить механизм сердца.

Был случай. Еду по трассе, на обочине машина, дедок со шлангом в руке. Останавливаю: что случилось? Оказывается, у дедка не получается бензин в канистру слить. Ёмкость в багажнике, пытается из неё канистру наполнить да в бак машины залить.

– Не могу, будь оно неладно! – пожаловался.

Я шланг засунул в ёмкость, взял второй конец в рот, потянул в себя и вдохнул пробку бензиновых паров. Дыхание мгновенно парализовало. Стою с открытым ртом, выпученными глазами, пытаюсь спастись глотком воздуха... Да не идёт в лёгкие... Кердык настанет моей молодой цветущей жизни... Вовремя сообразил... На тренировках случалось, от удара в солнечное сплетение перехватит дыхание. И тогда запускаешь его механически.

Начал в спешном порядке сжиматься, приседать...

– Ну, – говорю дедку, отдышавшись, – чуть не помер из-за твоего бензина. Экономить?

– А чё прикажешь делать! На пенсию сильно не наездишься, хорошо, зять шишку возит, начальничка, вот с барского плеча и подкидывает бензинчик.

Я про себя решил, память, если её напрягать, должна запустить сердце, воскресить в нём утраченные к детям чувства. Одну зиму едва не каждый вечер выходил с сыновьями во двор. Врачи рекомендовали младшему, лет семь ему было, больше находиться на свежем воздухе. Прогуливаться без дела неинтересно, мы играли в футбол: тёмное небо, белый снег, свет из окон домов, пятнистый мяч, сыновья вдвоём против меня... Вспоминал, как первый раз повёз на рыбалку. Старший, Коля, боялся червей. Миша сам по себе брезгливый, на рыбалке – ничего подобного, запросто доставал из банки червей, подавал мне, сами не умели насаживать... Вот учу их кататься на двухколёсном велосипеде, у Миши долго не получалось... Вот всей семьёй торжественно ведём Колю в первый класс. Бабушка, мама моя, внуку королевский букет вырастила на огороде. Пять шикарных георгин. Предупреждала всех:

– Эти Коле в школу, ни в коем случае не рвать!

Через год такой же букет гордо нёс Миша. Коля тоже шёл с цветами, и букет прекрасный, но скромнее, чем у первоклашки.

Дома у сыновей была забава – налететь на меня, вынуждая ввязаться с ними в борьбу. Спрячутся за дверь, подкараулят, потом выскакивают с визгом из укрытия. Принимая игру, кричал жене: «Мама, помогай!» Когда и она ввяжется в нашу возню.

И ведь запустилось от воспоминаний сердце. Вернулось чувство любви к детям.

Такое произошло в Португалии.

Что касается второй Марины, влекло к ней страшно. Это была страсть от слова «страдать». Ничего с собой не мог поделать.

Нередко после наших встреч в душе оставался осадок. Не летящее, победное чувство, от которого на седьмом небе, а какие-то рывки. Наступает момент отрезвления, говорю себе: всё, надо забыть, вырвать из сердца, переформатировать голову, вытравить память, чтобы следа не осталось...

Но достаточно маленькой искры – и снова пожар.

Марина была женщиной, умной. Отличная память. Знала много стихов. Могла подолгу читать наизусть Цветаеву, Ахматову, любила Тютчева и Лермонтова. Филолог, но не гуманитарий до последней точки. Одарённая бесспорно. В школе учителям платили крохи, я взял к себе в торговую точку. Иногда думаю, то, что должен был давать детям, отдал ей. Возил всюду с собой, благодаря мне, узнала город, обрела связи, опыт, прониклась пониманием, как следует вести себя в бизнес среде. Одеваться, подавать себя умела. Сначала работала у меня продавцом, кстати, талант имела бесспорный. В ней сочетались интеллигентность, личное обаяние, которое вызывает доверие у покупателя. Не из продавцов-блондинок, которые глубоким декольте и короткими юбками пытаются привлечь покупателя-мужчину, она чётко знала характеристики товара, умела ненавязчиво преподнести его.

Из продавцов перешла в товароведы. По моей рекомендации стала исполнительным директором в фирме по продаже одежды. Нарабатывала опыт. После Португалии, когда я занял должность директора филиала московской мебельной фирмы, мебельщики из Питера, отчасти наши конкуренты, но отношения у нас были нормальные, попросили подыскать им исполнительного директора в омский филиал. Предложил Марину. Остались более чем довольны. Поначалу ей помогал, потом без меня справлялась.

Хотя к мебели душа её не лежала, больше тянуло на шмотки. Когда поступило хорошее предложение, перешла на должность директора магазина одежды.

Мне нравилось опекать её, радовал карьерный рост – вчерашняя ученица, которой недавно объяснял элементарное, обретала вес в торговой среде. С моей помощью окончила курсы бухгалтеров. В конечном итоге уехала в Москву.

На первом месте у неё в наших отношениях была рациональность. Если у меня чувство, затем – рации, она, умела, как говорит один мой товарищ, «цель рубить». Скорее всего, в современной женщине так и должно быть. Одна из целей – я. Планировала, в конечном итоге уйду к ней. На этой почве скандалили, десятки раз разбегались... Бывало, что не на одну неделю.

И вот тогда на горизонте появлялась Альбина. Второй ангел из сна.

И смех, и грех. Обоих чёрных ангелов подогнали мне родственники. Мама – первого, жена – второго.

Жена не только скандалы мне закатывала, шины под покровом ночи протыкала, фонари сопернице под глаз ставила, искала выход из ситуации и другими способами. Есть женщины, которые при изменах мужа ударяются в пьянство (позже расскажу подобный случай) или начинают мстить блудом, жена стала на духовном уровне искать возможность воздействовать на меня. Благодаря этому я в конечном итоге пришёл в церковь, обрёл духовного отца батюшку Савву.

Это случится позже, начала она с того, что потащила на психологические курсы. Посчитала, вдруг меня околдовали, опоили приворотным зельем, убрать это психологическим тренингом.

Там-то и встретил я второго ангела из сна – психолога Альбину. Скорее она меня, но и я не дал от ворот поворот, клюнул на приманку, не смог устоять...

Не сказать, что Альбина опалила с первого взгляда, как случилось со второй Мариной, Альбине не было того зова. Исключительно телесное. Шарм, безусловно, в Альбине имел место и по сей день есть. Пасла меня, терпеливо выжидала. Как только возникал провал с Мариной, зазывала к себе. Я не всегда отказывался. Собственно, по сей день периодически звонит, предлагает встретиться, отнекиваюсь: дескать, как-нибудь потом. В её жизни появлялись какие-то мужчины, от одного родила для себя, как сейчас говорят, ребёнка. Хотя, а для кого его рожать? Для государства что ли? Отец дочери сразу ушёл в сторону, Альбина одна воспитывает.

В самый первый год знакомства с Альбиной ездили вместе в Окунёво. Будучи психологом, она, как и я, восторженно совала нос во всякие мероприятия, где пахло мистикой, сверхъестественным. Даже шаманскими практиками занималась. Тогда как Окунёво – пуп Земли, энергетический центр, сибирская Шамбала, тайные ворота в параллельные миры, местонахождение кристалла мудрости... Давно мечтал побывать, а тут Альбина зазвала, ну и поехали на пару.

В первый день потолкались среди разномастного, разнoverующего народа, а на второй отправились на Шайтан-озеро. Поднялись рано утром, часа в четыре, перешли Тару и оказались в сказке. Огромный луг, тёмно-зелёная трава сырая от росы, небо в серой пелене облаков. Вдруг облака расходятся, первый, самый первый солнечный луч срывается с неба, полное ощущение: я вижу его стремительное падение, вот он ударяет в траву, роса вспыхивает, весь зелёный луг от начала до дальней границы начинает сверкать, переливаться. Только что блекло и сонно лежал перед нами, под лучом волшебю ожил, заиграл, жадно ловя капельками росы небесное золото.

На берегу озера встретили рыбака, накачивал резиновую лодку. Подошли, поздоровались.

Он посмотрел на нас с подозрением, спросил:

– Случайно не от баламута Речкина?

– Нет, – скромно ответили.

Речкина, конечно, читали, но решили промолчать о знакомстве с «баламутом».

– Идиоты начинают его книг и прутся сюда, – недовольно произнёс, – житья летом нет от всякого сброда.

И поведал историю. За несколько дней до нас группа на озеро пришла. Из Прибалтики приехали. Решили поплавать на лодке, в надежде узреть храм, что в глубинах озера прячется. Редко кому открывает себя, погребли в надежде – вдруг им повезёт. Потом с квадратными глазами рассказывали, как очутились в параллельном мире. Вдруг появились райские птицы. Величавые, белоснежные большой стаей выплыли из камышей им навстречу. В Окунёво все наэлектризованные, все ждут чуда. Кого только не притягивает пуп Земли. Всякой эзотерической, уфологической, неоязычной твари по паре и намного больше. Рядом с нами в Окунёво жили русскоязычные бабаджисты, недавно из Индии прибывшие.

Те, что угодили в рай на Шайтан-озере, тоже были каким-то учением подпорчены. Испугались от видения райско-белоснежных птиц, считая, что очутились, того не желая, в параллельном мире. Лодчонка проскользнула в пространственно-временной портал, и они попали незнамо куда. Радоваться бы, таинственные ворота в другие измерения мало кому открываются. Окунёвские паломники завибрировали – этак можно навсегда застрять подле райских птах. Они, конечно, красивые, да только на грешной земле привычнее. Испугались не на шутку, как бы дверца портала не захлопнулась напрочь, где потом брать ключ на обратный ход? Рай-

ские птицы не стали приближаться к лодке с посторонними, развернулись и поплыли в райские камышовые кущи. Таких кущ там много. Наши товарищи схватились за вёсла и ну к берегу во всю мочь.

Где и узнали, что в Сибири пеликаны водятся.

Мы с Альбиной без приключений поплавали на лодке по Шайтан-озеру. Райских птиц не встретили, и у меня в последний момент хватило ума не прыгать с лодки в воду. Думаю, если бы взял глубины метра два, мог бы и не подняться. Я тихонько соскользнул, поплавал. Воду прозрачной не назовёшь, а водоросли длинные, перепутанные, можно запросто застрять, как в сетях.

Альбина с Мариной знали друг друга. Когда я уехал в Португалию, Марине пришлось самой за квартиру платить, Альбина позвала к себе, месяца два жили вместе, а потом поругались вдрызг.

Я анализировал опыт своих друзей. На глазах сгорел от рака бывший сослуживец – Толя Рябченко. Вместе молодёжный жилищный кооператив раскручивали. Хорошая семья, жена Алёна, умная женщина, лет семнадцать прожили. Толя в сорок лет влюбился в молодую. Ушёл. Для Алёны был сильнейший удар. Родил в новой семье ребёнка и через полгода хоп – у Толи онкология, он умирает. Почему? Один Господь может дать ответ. Я считаю, человек пошёл не туда, не той дорогой, что Господь указал...

Проецируя на себя, понимал – тоже иду не туда. Надо рвать с Мариной. Она и сама осознавала бесперспективность варианта со мной. Поначалу надеялась, буду с ней, потом увидела – не жить вместе. Я, как бы ни выглядело странным, привязан к семье. Психовала, устраивала концерты, я хлопал дверью. И через несколько шагов, меня наполняла радость: я – свободен.

Проходило несколько дней, и снова нас бросало друг к другу.

Один православный знакомый говорит, что придаю много значения тёмным силам, везде вижу их участие. Не знаю, может и так. Но как не придать значения факту, у Мариной матери лучшая подружка колдует. Если «лучшая», трудно не нацеплять от неё колючек. Марина рассказывала, однажды ночью проснулась, на последнем курсе училась, а перед кроватью стоит под два метра лохматая сущность. Марину ужас парализовал. Нечто приблизилось, руку на грудь положило... Жуткий холод пошёл вовнутрь. Сущность исчезла, не растворилась в темноте, а будто вошла в Марину.

Без малого одиннадцать лет продолжалась наша связь. Сто раз и она, и я пытались расстаться. Шли на разрыв, но проходило время, снова возникал зов, с которым не мог справиться. Забыв обо всём на свете – о клятвах, что давал себе, обетах, что давал Богу, срывался к ней.

Снова забегу вперёд. Прошло наваждение после поездки в Бари к Николаю Чудотворцу. Вот когда расстался с Мариной окончательно. Она уехала сначала в Белгород, потом в Москву. Вдруг через два с половиной года после Бари вижу сон и в нём непреодолимый зов к Марине. Проснулся в холодном поту: неужели опять началось? Прислушался к себе, нет, приснилось, зова не было.

Но это случится ой как не скоро.

Через два года связи с Мариной я настолько вымотался, настолько устал. Всё шло кувырком. Полетел мой бизнес. Как-то приехал к родителям, у них Максимыч в гостях. Любил моих родителей, отец до семидесяти лет подрабатывал на машине, помогал Максимычу, если тому что-то надо было привезти-увезти. Максимыч меня отозвал, чтобы родители не слышали, и говорит: видел про меня два сна. В одном лечу в самолёте с моими компаньонами по бизнесу. Максимыч знал их, я ведь из тех, «сам полечился, другим дай полечиться». Всех знакомых отправлял или водил к нему. Будто летим, я пытаюсь что-то объяснить соучредителям, они не слышат. Потом хватают меня и выбрасывают из самолёта. Во втором сне я весь изможденный, избитый запряжён в телегу. В ней сидит красивая женщина, но с клыками, как у вампирши.

Лупит меня хлыстом, я тащу телегу, потом вырываюсь из хомута, а вокруг болото. Начинаю тонуть, хватаюсь за траву, она выскальзывает из рук, почти накрыло водой...

Старцы говорят, снам не верь, но и не отвергай категорично.

Как бы там ни было, с компаньонами произошёл конфликт. С высоты прожитых лет понимаю, это было нам в наказание. Всем троим. Гордыня, сребролюбие... У всех троих были вывернуты мозги. Лёня Арбузин разошёлся с женой, взял молодую. Аркаша Васильев тоже поменял жену. Ну и на мне грех блуда... Нам бы держаться вместе, развивать предприятие, более ста человек работали, товар шёл на ура, нет, начались разборки. Мы с Лёней вдвоём тянули предприятие, Аркаша входил только деньгами. У Лёни выиграла гордыня. Коллектив меня считал генеральным директором, не его. А у Аркаши была мечта иметь основную долю предприятия. Вдвоём объединились против меня. А тут ещё жена подыграла, сама того не желая. Подала на развод, нас развели, она потребовала свою долю. Такой поворот дел был им на руку, нашли юридические заваyki, начали отдавать деньги частями. Можно было взять кредит и снова подняться, но настолько был вымотан, настолько устал.

Подумал и решил уехать за границу. Одним махом разрубить все узлы.

Глава шестая

Два пути

Случилось это до Португалии. Жена моя страдает гайморитом. Дело подошло к операции, а жена побаивалась. Кто-то подсказал, в Москве вырезают полипы лазером. Всё не на живую, собрались и поехали. Операцию сделали, я тороплюсь в Омск, любовь-морковь продолжается, мысли все в Омске. Тороплю жену, надо возвращаться, мол, работа ждёт.

Садимся в поезд, до Екатеринбурга ехали одни в купе, в столице Урала заходят двое мужчин. Один чуть моложе меня, лет тридцать пять, среднего роста, копна дикорастущих волос, голубые глаза, выпивши. Второму лет пятьдесят пять, лысоват. Бывший лётчик-истребитель и интересный собеседник. Дослужился до подполковника и попал в аварию, при посадке подломилась стойка шасси, самолёт кувыркнулся, благо не взорвался. Подполковник весь переломался. Массу операций перенёс. Из авиации списали. Пенсия пенсией, но должно быть какое-то занятие. Он обрёл второе дыхание в жизни – занялся пчеловодством, мёдом. У него, как и у меня, два сына, дочь. Внуки уже есть. И не просто купил пасеку, качает мёд с одной думкой, как бы подороже продать. Засел за литературу, стал своим человеком в сельхозакадемии, ездил за опытом в Башкирию, на Алтай. Стал изучать методы лечения разных болезней при помощи мёда, прополиса, подмора. Увлечённо об этом рассказывал, видно, человек горит этим делом.

Ехал к дочери в Пермь, вёз мёд, подарки. Помогал дочери деньгами, та строила квартиру. Человек в здоровых житейских хлопотах. У самого квартира в Екатеринбурге, дом в деревне, где живёт с весны до осени, там у него ульи, омшаник для зимовки пчёл.

Угощал мёдом, очень вкусный, рассказывал.

С таким попутчиком ехать легко и интересно.

О втором мужчине так не скажу. Он усиленно звал меня в ресторан:

– Пойдём, посидим, поговорим.

Геной звали.

В ресторан идти не было никакого желания. Пить не собирался, Гена мечтал добавить.

Лётчик с рестораном сразу его отшил:

– Не пью и тебе не советую!

От лётчика Гена отстал, меня всё тянул.

О себе рассказал, что едет в Тюменскую область, там у него жена, две дочки, одной восемь лет, во второй класс пойдёт, второй четыре с половиной.

– А знаешь, – говорил, – как сердце тает, когда тебя девчонки встречают. Приедешь с поля на тракторе, они выскакивают за ворота, на шею тебе кидаются, облепят: «Папка, приехал!»

Вскользь вырвалось, никому наши поля не нужны больше. Работы не стало, он запил.

Несколько раз выходил из купе, искал компаньона в ресторан. Поиски не давали результата. Возвращался в купе. Пожаловался мне:

– Представляешь, в роду из мужиков я последний. Полгода назад дядька погиб, на стройке кран упал, его придавило. До этого племянник на машине разбился. Всё, я последний остался.

Ехал к жене в Тюмень налаживать отношения. Она не выдержала его пьянства, безденежья, в деревне для Гены работы не было, собрала детей и уехала в Тюмень к родителям.

– Буду работать, – говорил. – В Тюмени нефтянка, там работы навалом. А я механизатор широкого профиля, на любой технике могу.

Слушал его из вежливости, с одним желанием, скорее бы снова куда-нибудь ушёл. Опять начинал тянуть в ресторан.

– Гена, – скажу, – да пойми ты, мил человек, не хочу туда. Поесть я здесь поел, пить не буду.

– Просто посидишь со мной, кофе попьёшь, поговорим.

Выйдет из купе, в коридоре с одним постоит, к другому подойдёт. Никто не желал разделить с ним ресторанный трапезу. Народ в вагоне ехал солидный, в возрасте.

Один Гена почему-то не шёл в ресторан. Ему нужен был напарник, скорее всего – собеседник.

Не запомнил, какая была остановка. Поезд набрал ход, вдруг стук в дверь, заходит проводница, милиционер, спрашивают:

– Где ваш попутчик?

Я ещё подумал, ну вот, нашёл приключение на свою пьяную голову, нет бы, лечь да спать. Всё оказалось серьезнее. Гена помыкался, помыкался, никого не нашёл, кому душу излить, увидел открытую дверь в купе проводников, открытое окно. Вагон был старой конструкции, где окно отпускается вниз. Гена парень сублильный, встал на столик и в окно на полном ходу выбросился.

Милиционер достал его чемодан, открыл, сверху лежали детские ношенные туфельки. Видимо, старшей девочки. Игрушка новая, надо понимать, в подарок вез...

Если бы Гена душу мне выложил, возможно, всё получилось по-другому. Да государство его бросило, поля его заросли. Но и я не помог участием. Как Господь говорит в Евангелии: «...ибо алкал Я, и вы не дали мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был нагим, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня».

Не сделали одному из нуждающихся меньших, а значит, Господу.

Господь промыслительно показал мне две вещи. Ко мне в купе садятся два человека. У лётчика, два сына и дочка, он едет к дочке. И у меня два сына и дочка. Я могу нормально развиваться, жить по законам Божиим, заботиться о семье, и у меня всё будет хорошо в жизни. Второй вариант, я продолжаю раздваиваться между двумя Маринами, идти этим путём... В конечном итоге... Почему Гена выбросился? Он реально понимал – в Тюмени его не ждут. Не верил в то, что говорил мне, да и другим: жена его примет, они помирятся. Понимал, приедет, а ему от ворот поворот.

Все пути были перечёркнуты.

Глава седьмая

Вадим и Нина

Моя жена пошла в церковь, когда я пустился во все тяжкие, тогда как Нина Соловьёва, оказавшись в подобной ситуации, запила.

До армии я серьёзно занимался в «Динамо» борьбой. После армии снова вернулся в спорт. В Омск только-только пришло каратэ, на то время экзотика. Появились первые тренеры. В эту волну я попал. Вадим Соловьёв на полгода раньше начал заниматься, но я его догнал. Выступали в разных весовых категориях, однажды сошлись. Я хоть и выиграл, но зуба лишился...

Он лидировал в категории до семидесяти килограммов, я – до восьмидесяти. В то первенство «Динамо» Вадим победил в своей категории, я – в своей. Начались поединки на абсолютного чемпиона. Мы с Вадимом сошлись. Работаю с ним... У Вадима была мощная ударная техника, а мне главное в борьбу перейти. Боролся он хуже. Я его переигрываю, но пропускаю удар маваша – ногой. При падении делаю вид, что поскользнулся. Есть такой трюк. Мне судьи поверили. Вадиму дают вазари, не иппон – чистая победа, а малый балл. Я чувствую, у меня под зубами косточки. Часть зуба он мне просто отколол. Мало того, что зуб повредил, оказывается, это был нокдаун. Я не сразу понял, что к чему, тем не менее бой дошёл до конца и по очкам переиграл Вадима. Его убирают, мне ставят нового, тоже легче меня. Переиграл его, ещё двух или трёх. И вдруг сознание меркнет, я куда-то отъезжаю... Очнулся на скамейке, сижу спиной к стене... Ничего не могу понять. Где я? Что я? Передо мной кто-то бегают, прыгает в белых кимоно. Делаю глубокомысленный вывод – это наш спортзал. Дальше веду расследование – где находятся двери? Ага, вон они – на месте. Всё правильно. Интересно, задаюсь вопросом, на чём я сюда мог приехать? Сам себе отвечаю: скорее всего, на автобусе. На каком автобусе? С Амурского посёлка ходит «пятьдесят первый»...

Тяжелейший нокдаун перенёс на ногах. И зуб потерял.

Вадим был чемпионом России по рукопашному бою. Я на тот период от активных занятий спорта отошёл. Закрутила работа на заводе, был всплеск организаторских способностей. Провёл первую безалкогольную комсомольско-молодёжную свадьбу, возглавил молодёжный жилой комплекс, проводил соревнования «Весёлые старты». При этом шёл рост по карьерной линии, а ещё семья, дети. Сейчас удивляюсь, как успевал, как на всё хватало.

С Вадимом пересекались изредка, а потом, как сыновья подросли, я снова вернулся в спортзал, уже с ними. Мы с Вадимом сошлись семьями. Жена у него Нина, хорошая женщина, девчонки-двойняшки. Подшучивали друг над другом: у вас невесты, у нас женихи. Как делить будем, какому жениху какая девчонка? Хоть жребий бросай – не различить, где Даша, а где Наташа. У Соловьёвых был маленький бизнес, попросту говоря – киоск, торговали порошками, химией. Занималась этим Нина. Вадим работал тренером.

Я развернулся с мебельным производством. Для салона арендовали помещение в самом центре города. В доме, в котором в пятидесятых годах любители организовали первую в Омске телестудию. В советское время на первом этаже работало кафе, потом помещение забросили, его облюбовали бомжи. Мы бывшее кафе отремонтировали, отделали и в результате получили отличный салон.

Спорткомплекс, где Вадим тренировал детей и взрослых, находился в десяти минутах ходьбы от моего салона. Частенько Вадим между тренировками заглядывал ко мне, кофе попьём, побеседуем.

Его закрутила ситуация аналогичная моей – появилась женщина на стороне. Звал за глаза «дамой». «Моя дама», «ночевал у дамы». Я её пару раз видел. Статная, широкой кости женщина. Возрастом, чуть моложе его.

Как-то Вадим заходит ко мне в салон, возбуждённый, не в себе.

– Ты, знаешь, – нервно начинает рассказывать, – меня только что машина сбила. Хорошо, скорость небольшая, отбросило, я успел сгруппироваться, удачно упал.

– Это, – говорю, – тебе предупреждение. Завязывать надо с дамой. Как, впрочем, и мне.

Дама в своё время была замужем, муж умер, осталось двое детей.

Для жены Вадима появление «дамы» в их жизни стало шоком, от которого она так и не смогла оправиться.

Тот раз был последним, когда они вдвоём приходили на мой день рождения. Посидели, мы с женой пошли их провожать. Нина взяла меня под руку, идём, она поворачивает ко мне голову (под фонарём проходили, зима, снег и свет от фонаря неестественный), смотрю, а у Нины в глазах слёзы блестят:

– Саша, и ты такой же!

Мне и сказать в своё оправдание нечего.

Ляпнул вроде того:

– Нина, не бери ты в голову! Всё образумится.

А потом она пропала. Вадим в салон пришёл, не снимая пуховика, упал на стул.

– Чувствую, – говорит, – всё.

У Нины и раньше были уходы. Никогда бы не подумал, Нина могла вот так опуститься. Отличный программист, политех окончила, чистюля, девочки всегда как куколки. Дома полный порядок, и скатилась. В роду не без червоточины – отец алкоголизмом страдал... Да ведь сколько лет знал Нину, намёка не было... Стала пропадать на два, три дня. Вадим находил её в бомжатниках. Или сама возвращалась домой в жутком состоянии.

– Да брось ты, – начал успокаивать его, – ищи, не опускай руки, милицию держи в тонусе, чтобы не расслаблялись.

Он грустно улыбнулся:

– Знаешь, Саша, так хочется, чтобы Нина, как раньше, уткнулась носом в плечо!

Нашли Нину месяца через два, снег начал сходить, и труп вытаял из сугроба.

С дамой своей Вадим в конечном итоге завязал.

– Что я в ней нашёл? – сам себе удивлялся.

Женился, взял женщину с ребёнком, и ещё и общего родили. Дочки его близняшки замуж вышли.

Кстати, поучительная история его крещения. Скептически относился к моим словам о необходимости креститься, пока жареный петух не клюнул. Прямо из спортзала увезли в больницу – тромб оторвался. Благо, застрял в ноге. Врачи так и сказали: если бы не тормознулся – всё.

Вадим из больницы позвонил, спросил, когда можно покреститься.

– Я же, – говорит, – постоянно руками и ногами бью, где-то что-то всегда может оторваться.

Сразу по выписке из больницы повёз его в Крестовоздвиженский собор. Отец Владимир крестил...

В последние годы редко с Вадимом сталкиваемся. В прошлом году в Троичную поминальную субботу после панихиды сразу из церкви поехал я на кладбище к своим. С автобусной остановки иду, машина обгоняет, поиграла, смотрю – Вадим. Обнялись. Он приехал к Нине.

– Сейчас, – пояснил, – мастер должен подъехать, мерку снять, плиточку хочу постелить, – и добавил: – Не знаю, как там дальше, но место рядом с ней для меня. Ты тоже запомни.

Глава восьмая

Вытащить пулю из головы

Португалию предложил мой сотрудник Витя Романовский. У Вити дядя заведовал турагентством. Не знаю, по какой причине, он, мягко говоря, ввёл племянника в заблуждение, железно пообещав: «Езжай, денег заработаешь».

Занимаясь мебелью, я открыл вторую линию бизнеса – евроремонт. Витю мне представили как дизайнера и художника. Витя из военных, майор, авиационный технарь, воевал в Афганистане – ремонтировал вертолёты. У них, наверное, это в роду, умел, как и его дядя, убедительно врать. Никаким дизайнером не был, художником – тоже. Чего не отнять – умел себя подать. После Португалии сделал визитку, гласящую, что Виктор Романовский психолог по семейным проблемам. И ведь находились такие, что верили. Забросив направление «семейные проблемы», занялся червями для производства биогумуса, в этой области подавал себя как учёный-биолог.

Я ухватился за идею с Португалией.

Витин дядя пообещал оперативно оформить визу. Она действует пятнадцать дней, исхитришься легализоваться, что практически невозможно, живи дальше на законных основаниях, нет – ты нелегал, но это не беда – гастарбайтеры сплошь и рядом имели такой статус.

На Витю виза быстро пришла, моя тормознулась. Дядя звонит в Москву, оттуда говорят: все документы оформлены, их проверяют органы. А те – ни «да», ни «нет». Я работал на режимном предприятии, имел вторую форму допуска, но это было десять лет назад. Завод уже давным-давно не такой закрытый. Двое моих коллег, вместе на одних секретях сидели, в Германию уехали, а меня не пускают.

До того тоскливо сделалось. Настроился, а получается – никуда не еду. Мне нужно было уехать как можно дальше, разорвать узел, «вытащить пулю из головы». Столько всего сошлось. Катавасия с Мариной, скандалы в семье, провал в бизнесе.

Выше рассказывал о сне, который видел Максимыч, когда компаньоны выбрасывали меня из самолета. Союз наш нехорошим образом распался. Своё дело сделали деньги. Не зря о пагубности сребролюбия говорят все святые. Нас было три учредителя, создали производственное предприятие. Изготавливали мягкую мебель. Раскручивали предприятие мы с Лёней Арбузиным. Третий учредитель, Аркаша Васильев, вложил деньги, была у него мысль, когда мы пошли в гору, на себя одеяло потянуть. Мы с Лёней сказали: нет, так не пойдёт, пусть у нас будет по тридцать три процента доли, у тебя тридцать четыре – и всё. Выступили солидарно, Аркаша согласился.

В принципе, нормальный мужик, как и Лёня. С Лёней мы вообще отлично работали почти четыре года. Наша мягкая мебель шла на ура. Она сильно отличалась от того, что было в магазинах. Арендовали помещение в аэропорту. Кадры в прямом смысле золотые – инженеры и технологи электромеханического завода. Предприятие, как и вся оборонка, лежало на боку, зарплату по полгода не платили или платили макаронами, люди сидели в административных отпусках и готовы были на любую работу. Мы платили вовремя и хорошо, они собирали диваны, кресла, разрабатывали мебель, а всю подсобную работу делали учредители – я и Лёня. Подвозили материал, развозили диваны, кресла (у нас поначалу был «москвич» с прицепом, потом «жигуль» взяли), поднимали её на любой этаж. Поднаторели так, что в любую дверь диван могли затащить. Конечно, вся экономическая работа была на нас, мы решали вопросы с бандитами, если вдруг хотели своё урвать на дармовщину.

Один за другим мы в течение года открыли пять магазинов, один салон прямо в центре, наладили производство. Месяц на третий съездили на выставку в Тюмень. Замечательно там поработали. Всю нашу экспозицию скупили в Тюмени на корню, и заказов мы набрали. Были клиенты готовые на стопроцентную предоплату в желании как можно быстрее обрести наши диваны, кресла.

Всё до поры до времени складывалось отлично. Не могу не рассказать весёлое. Однажды целый день проехали. С утра маковой росинки во рту не было. Ближе к вечеру из налоговой едем, я за рулём, останавливаюсь у продовольственного магазина, говорю:

– Лёня, купи что-нибудь, иначе мой желудок не выдержит.

Он покупает с килограмм колбасы и батон хлеба. Мы все это приговариваем. Не остановило, что колбаса мороженая. Приезжаю домой, а меня начинает трясти. А тут брат за чем-то приехал. Жена его усаживает за стол, только что борщ приготовила. Я достаю бутылку. Со мной это бывает крайне редко, тут захотелось выпить, унять лихорадку. Выпиваю граммов двести. Брат уезжает, у меня температура тридцать девять.

Жена забеспокоилась. Что, мол, такое с тобой. Я начал грешить на колбасу. Думаю, подсушили плохую, ей и отравился. Интоксикация, вот температура и прёт.

Жена вызывает «скорую». Приезжают две молоденькие соплюшки, что врач, что медсестра.

Я им изложил своё видение причины болезни, они согласились. Ну, поехали, говорят в больницу, там промывание желудка вам сделают.

Ни в какую больницу не поехал. Какие-то таблетки дали, но температура не останавливается на достигнутом – растёт. Под сорок подкатывает. Сна ни в одном глазу. Под утро жена видит, мне хуже и хуже.

– Давай, – говорит, – будем промывать желудок клизмой.

Нагнал её с таким предложением:

– Ещё чего? Клизму я буду делать! Ты головой-то подумай.

Фыркал-фыркал, потом вижу, пора к кардинальным средствам прибегать. Сама собой интоксикация не рассасывается.

Только не помогла в борьбе с ней и клизма. Температура не падает, я как сомнамбула.

Снова вызвали «скорую». Приехала многоопытная предпенсионного возраста тётя.

– Рот откройте, – потребовала.

Рот беглым взглядом осмотрела, Лёгкие послушала и выписывает рецепт, какие-то таблетки и микстуру для полоскания рта.

– Как, – говорю, – рот полоскать? Зачем?

– А вы что хотели? – тётя на меня из-под очков посмотрела. – У вас гнойная ангина!

Я как зыркнул на жену. Не слабо лечить ангину клизмой.

После этого долго на предприятии смеялись. Если кто вдруг приболеет, обязательно деланно обеспокоенным голосом спросят: клизму делал? И что – не помогло?

Лёне хоть бы что после той колбасы, а моё горло не выдержало.

Четыре года с Арбузиным проработали и начались трения. Я был официально генеральным директором, он моим замом. Визитка другая, как бы престиж не тот. Засвербило его.

Праздновали Новый год. У нас всё было как на нормальном, уважающем себя, предприятии, в том числе своя столовая. Устроили в ней праздничный вечер. Я где-то задержался, приехал ко второму или третьему тосту, захожу в зал, столы буквой «П» расставлены, все сидят... Такого ни до, ни после не испытывал. Народ возликовал при моём появлении. Более ста человек как один встали, на меня хлынула волна такой радости, такого уважения... «Ура» кричат, рюмки поднимают: «За Иваныча!»

Лёня парень неглупый, понимал моё значение для фирмы, но гордыня. Мы потом открыли ещё одну фирму в рамках холдинга, арендовали два этажа на Северных. Он стал гене-

ральным директором одной фирмы, я его зам, во второй – наоборот. И всё же кошка между нами пробежала.

Он развёлся с женой, женился по новой, срочно понадобились деньги на квартиру. Где взять? Пошёл к Аркаше.

Как-то втроём собрались, я им говорю: знаю, что у вас на уме. Известный вам Максимыч, пересказал сон про нас, как вы меня выбрасываете с самолёта. Они: да брось ты всяким бабушкиным сказкам верить, всё нормально.

Однако вскоре сказали, мол, ты больше не генеральный директор. Я молча согласился: честно свою работу делаю, веду производство и сеть магазинов. Лёня по отношению ко мне стал держаться сугубо официально. Однажды я не выдержал этой мрачной атмосферы, поводом стал конфликт: Лёня ни с того ни с сего взялся меня учить, как надо работать. Я не сдержался и послал «учителя» подальше, и тут же написал заявление.

Думал, заберу свои деньги, начну новое дело. В принципе, если бы начал кампанию противодействия, многие специалисты пошли за мной. С клиентурой, в основном, я работал, меня хорошо знали на рынке, доверяли. Они это предусмотрели, нашли юридическую возможность отдавать мне деньги частями. Кроме этого, чтобы ключевые люди не ушли за мной, вдруг возьму кредит на новое предприятия – повысили им зарплату. Потом, правда, она пошла вниз. И жена моя, как говорил выше, помогла Лёне с Аркашей – оформила развод и пришла свою долю требовать.

Я подумал-подумал и не стал ввязываться в борьбу, что-то кому-то доказывать, умерла так умерла. Тут как раз предложение с Португалией, где, якобы, денег в виде долларов заработать проще простого – только не ленись. И я решаю: всё – меняю воду в аквариуме. Португалия для этого наилучший вариант. Во-первых, избавлюсь от всех этих пут, сетей, сброшу гири с ног, вырвусь на свободу, во-вторых, подзаработаю на новый бизнес.

Но и здесь затык – не дают визу.

Пошёл на кладбище. Говорил выше, с бабулей по отцу, бабушкой Августиной, был у меня контакт. Сердцем чувствовал, если обращался к ней, – слышала. Сел у могилки в плачущем настроении. «Бабуля, – прошу, – помоги, помолись за меня, запутался, вылезти не могу, нужно уехать, здесь я погибну. Если слышишь, дай мне знак».

Говорю, говорю... Вдруг прилетает синичка и бросает почку от тополя мне на голову.

Два дня прошло, звонят из турагентства: все нормально, визу дали.

Из Москвы в Лиссабон добирался, вместе с такими же гасторбайтерами, на автобусе. Стартовали с Киевского вокзала, проезжали Белоруссию Минск, Польшу, Германию. Во Франции пересели на другой автобус. Водитель, не знаю на самом деле какой национальности, но очень на армянина смахивал, повёз нас с таким ветерком, что кое-кто готов был на ходу выскочить. Как утопил педаль газа в начале пути, так и гнал на предельной, за сто километров скорости до финиша. Пассажиры шумят, претензии на русском, английском, будто бы португальском выражают, ему хоть бы хны. В Испании все притихли. Узкая горная петляющая серпантинном дорога, в каких-то шагах от неё вместо обочины пропасть – метров восемьсот лететь. Лучше держать язык за зубами, не лезть под руку водителю с недовольствами скоростным режимом поездки.

Тут-то и начались разговоры про нашу братву, что обосновалась под лазурным небом Португалии. Я не поверил, посчитал – бабские страхи. Ну ладно, в России беспредел, но это ведь Европа.

Не исключаю, водитель потому и гнал, намереваясь приехать раньше графика в Лиссабон, чтобы на его глазах наша братва не дербанила нас. Пожалел русо туристов.

Смысл действий братвы следующий. Она прекрасно знает расписание, к приходу автобуса появляются сборщики дани и облупливают земляков, чтоб жизнь на чужбине мёдом

не казалась. Автобус на вокзал прибыл, кого-то из попутчиков встретили знакомые, увезли, остальные разбрелись.

Я с первого раза не дозвонился до донны Розы, владелицы нашего так называемого отеля, через неё была связь с Витей. Сел на лавочку, рядом две женщины мои попутчицы, одной лет сорок и молодуха, к мужу приехала. Щекастая деваха и разговорчивая – не остановить. Муж её на БМВ копит, мечтает пусть не новый взять, но БМВ. И ещё один мужичок подсел, тоже из нашего автобуса. Этакое землячество образовалось.

Вдруг подруливают к нам два молодца. По виду один борец, второй просто здоровый. Может, в прошлом волейболист – высокий, длинноногий.

– Здравствуйте, – борец слащаво улыбается.

Кот увидел мышку.

– Здравствуй, коль не шутишь, – говорю не тоном мышки.

– Откуда прибыли? – борец с той же улыбочкой продолжает интервью.

Волейболист жвачку на высоте своих примерно ста девяноста сантиметрах молча терзает.

Любезничать с ними я не собирался:

– Тебя, – говорю, – это не должно интересовать. Ты проходишь мимо.

Борец изменился в лице, улыбку тошнотворную согнал:

– А чё это ты со мной так разговариваешь?

– А чё бы я с тобой по-другому разговаривал. Ты проходишь мимо и дело в шляпе!

На их накат ответил своим. Я знал, что с ними справлюсь. Последний раз на чемпионате страны по рукопашному бою выступал в 36 лет. Это было три года назад.

Борец с ноткой угрозы в голосе бросил:

– Ну ладно, посмотрим.

Они ушли. Вскоре ещё двое нарисовались. Серьёзнее первых, один, скорее всего кик-боксёр и второй не волейболист. Эти двое и те – мне не по зубам. Мужичок, сидящий с нами – не подмога.

На руку сыграла несогласованность братвы. Кикбоксёр спрашивает:

– К вам подходили?

– Конечно, – говорю и показываю рукой, – туда пошли.

Они решили, нас уже облупили, и отправились в указанном направлении. Говорю соседкам:

– Девоньки, что-то душно становится. Берём вещи и с вокзала быстренько идём на скамеечки, что рядом с полицаем.

Так и сделали. Молодуха дозвонилась до мужа, тот приехал, забрал её и женщину заодно. Я тоже, дозвонившись до Донны Розы, взял такси и поехал к Вите, он обосновался в пригороде Лиссабона.

У донны Розы был двухэтажный дом, на втором жила с семьёй сама, а первый сдавала. Кроме этого в соседней пятиэтажке ей принадлежал один подъезд. Квартиры в нём тоже сдавала. Там, в частности, жили ребята, работавшие на мощении дороги, человек пятнадцать. Братва знала (служба оповещения не дремлет), когда «день дорожника» – работодатель привозил зарплату, и приезжали за данью. Двое из ребят-дорожников несколько раз приносили мне деньги, просили побережь. Сбербанком работал.

В Португалии братва в основном хохлы и молдаване.

К нам однажды заявился представитель этого рода племени. Позиционировался под сицилийского мафиози – в костюме, широкополой шляпе. Мордоворот. Ну, мы тоже не хилые и не из пугливых. В соседней от нас комнате жили негры, Эрик и Дерик, не любили, когда их называли неполиткорректно – неграми. Были они из бывшей португальской колонии – Гвинеи-Бисау, да негр он и в Гвинеи-Бисау негр, поэтому случалось непроизвольно высказывал обидный для чернокожих термин.

У Вити, было дело, при Эрике случился подобный казус. Гвинеец тут же засветил обидчику. Витя хоть и говорил нам, что занимался боксом, удар пропустил. Эрик ростом за метр восемьдесят, в плечах шкаф, кулак под стать. Витя посыпался в угол комнаты, правда тут же вскочил на ноги и схватил кухонный нож со стола. Эрик не стал больше защищать чувство гвинейского достоинства, показал спину и бросился за дверь.

Не испугались мы и «сицилийского мафиози». Он по-хозяйски начал задавать вопросы, мол, где работаете, что вам платят. Мы ему с иронией, без всякого почтения, мол, да разве можно задавать вот так вот напрямую такие нежные вопросы, это ведь коммерческая тайна.

– Как бы вам тайна боком не вышла! – начал угрожать.

– Да ладно, братан, – Витя ему, – мы же земляки!

– Тамбовский волк тебе земляк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.